

Нина Баландина

ПОПЛАВКИ СТИХОВ

Москва
Издательство
Российского союза писателей
2021

УДК 82-8
ББК 84(2Рос=Рус)
Б20

В оформлении книги использованы иллюстрации автора

Баландина, Нина

Б20 Поплавки стихов / Нина Баландина. — М. : Издательство РСП, 2021. — 262 с. : ил. — (Серия : Лауреаты национальной литературной премии «Поэт года»).

ISBN 978-5-4477-3067-3

«Поплавки стихов» — сборник лауреата национальной литературной премии «Поэт года» в номинации «Дебют» Нины Баландиной. В него вошли лирические стихотворения, миниатюры и рассказы разных лет. В центре внимания поэта — неповторимость каждого мгновения, радости обычной жизни с её событиями, встречами и бесценными моментами.

Книга издана Оргкомитетом премии «Поэт года».

16+ В соответствии с ФЗ № 436.

УДК 82-8
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4477-3067-3

© Баландина Н., текст, иллюстрации, 2021

От издательства

Оргкомитет премии «Поэт года» представляет вашему вниманию книгу Нины Баландиной – лауреата в номинации «Дебют» за 2019 год.

Национальная литературная премия «Поэт года» учреждена Российским союзом писателей с целью поиска новых талантливых авторов, способных внести вклад в русскую литературу. Отбор номинантов проводится среди авторов, публикующих свои произведения в интернете, где каждый получает шанс быть замеченным, прочитанным и оценённым. Произведения всех соискателей, независимо от места жительства и известности в литературных кругах, рассматриваются на равных условиях. Финалистов и лауреатов премии определяет Большое жюри, в которое входят известные писатели, поэты и деятели культуры. Премия «Поэт года» – одна из крупнейших в России по количеству участников, что обеспечивает ей особое место в ряду литературных премий как самой представительной для аудитории пишущих людей.

Главная награда для каждого писателя – издание его книги. Поэтому приз лауреата премии «Поэт года» – выпуск книги в Издательстве Российского союза писателей за счет Оргкомитета премии. Такую книгу вы держите сейчас в руках. За ней стоит большой труд как самого автора, так и многих экспертов Большого жюри и Оргкомитета премии, проделавших серьёзную работу по поиску нового литературного таланта, которыми так богата наша страна. Надеемся, что эта книга привлечёт внимание читательской аудитории.

Оргкомитет премии «Поэт года»

У меня под рукой нет времени

Пролог

У меня под рукой нет времени,
на которое можно было бы опереться.
Оно рассечено на секунды и мгновения
Опрометчивости... нецелесообразности... отречения...
Сосредотачиваюсь на нескончаемом движении спиц.
Привораживаю солнце, прощая ему ночь.

Так однажды появилась осень,
из которой никогда не улетала бабочка.
Листопад, сумевший не коснуться земли.
Поплавки стихов...

ЕЩЁ НЕ ЗАПЯТНАНО НЕБО
СУХОЮ ЛЕТЯЩЕЙ
ЛИСТВОЙ

Ещё не запятнано небо

Ещё не запятнано небо сухой летящей листвой,
И есть промежуток: хранимое памятью слово —
Одно лишь мгновенье... но ловится снова и снова,
Как будто земли остывающей блик золотой.

Там странник, что кормит с ладоней посланцев небес,
Что так равнодушен до звёзд, отягчающих разум.
Он равно доступен всему, что откликнется: лес...
Асфальт городской... непривычно звучащая фраза...
Он равно неспешен: меж зим и чарующих лет
Есть ниша любви, как сегодня среди непокоя,
Где вновь перед нами возникший так надёжно свет
Прозрачного неба, летящий сквозною фатою.

Пора бы притихнуть, а он уж опять налегке.
Вот в небо шагнул и спугнул золотистую стаю.
...Мой странник всё дальше с пригретой пичугой в руке,
А нам в ноябре, без его волшебства замирая.

Как трогателен лист

Как трогателен лист, ведущий нас к финалу.
Какой бы ни был путь, октябрь не подведёт.
И снова клёна лист, живой и пятипалый,
Меня в саду на лавочке найдёт,
Там, в сутолоке живности столичной,
Опять Господней дудочкой маня.
И я вскочу, резнув крылом по-птичьи:
Я знаю небо!.. Но... твоя, земля.

Твой листопадный флирт

Твой листопадный флирт — манящий, навесной,
Скользящий по плечу, таящийся во вздохе, —
Октябрьский ренессанс с восторженной слезой:
Берёзовой, сквозной... любимицей эпохи.

Меж сутолоки вин игривых, огневых
Взлетают паруса доверчивости, неги,
Но многоточье птиц на проводах тугих —
Отложенные до поры доспехи.

...Он мимо нас, загадочно-хорош.
Рябины брошь на лацкане блестящем.
И что там было с ним, с тобою настоящим...
Проснёшься завтра и не разберёшь.

Есть в октябре безумие полёта

Есть в октябре безумие полёта,
Обретшего свой изначальный смысл:
Мгновенье вечности, когда ни где, ни что ты, —
Лишь пустота под именем «свобода»,
Счастливой неоправданности риск!
Будь то листва, струя земного света,
Где радуга, от нас отгородясь,
Вдруг вспыхивает завязью сонета,
Рождественскую обнажая связь.
Будь то паденье, возведение к долу
И резь неоперённого крыла,
Когда ты стар, но всё ещё так молод:
Впервые ощутивший удила...
Октябрь живёт неприхотливо, мудро,
Свободный от потуг календаря,
Сияющий апрельским перламутром
Радужных луж и памятно храня
Секреты лета, все дела, заботы,
Где пульс, сбиваясь, рвётся и частит...
И как понять, за что нам это что-то:
Безумно-торжествующее — *жизнь!*

Дайте осени право

Дайте осени право...

отстояться в бокалах байкальских глубин.

Это именно в них прорастает венчалное лёгкое небо,

И пьянит мою душу дороже изменчивых вин

Обнажённость ветвей,

распрощавшихся с тем, что снаружи.

И срывается голос на тысячи малых пустот

Там, где эхо взамен и дыханью, и божьему гласу, —

Там возводят дожди легкокрылый, вне вечности, грот,

Доверяясь обычаю складывать вечные пазлы.

Там и бабочки будут касаться вернувшихся лиц, —

Всё, что летом случилось, туда соберём понемножку:

Томный глянец смородины, близко журчащий родник

И пробитую стадом дороги суровую прошву.

В этом гроте вне времени будут звучать имена:

Нерастратна земля, у которой мы все в колыбели.

Это осень пришла и справляет опять новоселье.

И поёт листопада звучащая счастьем струна.

Дождь утихнет настоем таких нескончаемых трав,

Что взметнутся крыла, проносящие новое время.

И останутся с нами итогом былых переправ

Только эти стихи — бесконечные знаки доверий.

Дайте осени право опять возвратиться весной:

Мать-и-мачеха, сквер и летящий в ладонь одуванчик.

Листопад, расцветавший в бульварах, дворах, — городской...

Возвращенье к весне... там,

где Аннушкой звался трамвайчик...

ЭТА ПАМЯТЬ ЧЕРЁМУХ,
ЗАМЕШАННЫХ
НА ОБЛАКАХ

На долгие лета

На долгие лета отпущена тропкою в поле
Хранить в предрасветах грядущие солнце и ветер.
Созревшие корни пускать потихоньку на волю,
Где ждёт подорожник и радость летящих соцветий.
Вот колос нечаянный вздрогнет слегка под рукою,
Пробьётся ромашка, низину замкнут незабудки...
А травы такие, что чувствуешь: небо — земное,
Идущее рядом, по вешней земле, первопутком.
Так вот где начало — свобода от дум и пристрастий, —
Когда, словно парус, на взгорье одни лишь деревья.
А где-то за ними моё первородное счастье:
Остаток — три дома, но всё же деревня... деревня!
Приважены овцы, телёнок, хватавший за платье,
Петух, стерегущий ворота не хуже собаки...
И вот я — тропинка, ведущая в прошлое, — память,
Хранящая времени неопалимые знаки
На долгие лета... Сквозь зимы, что скоро настанут,
Меж строк прописных, потихонечку гаснущих в осень.

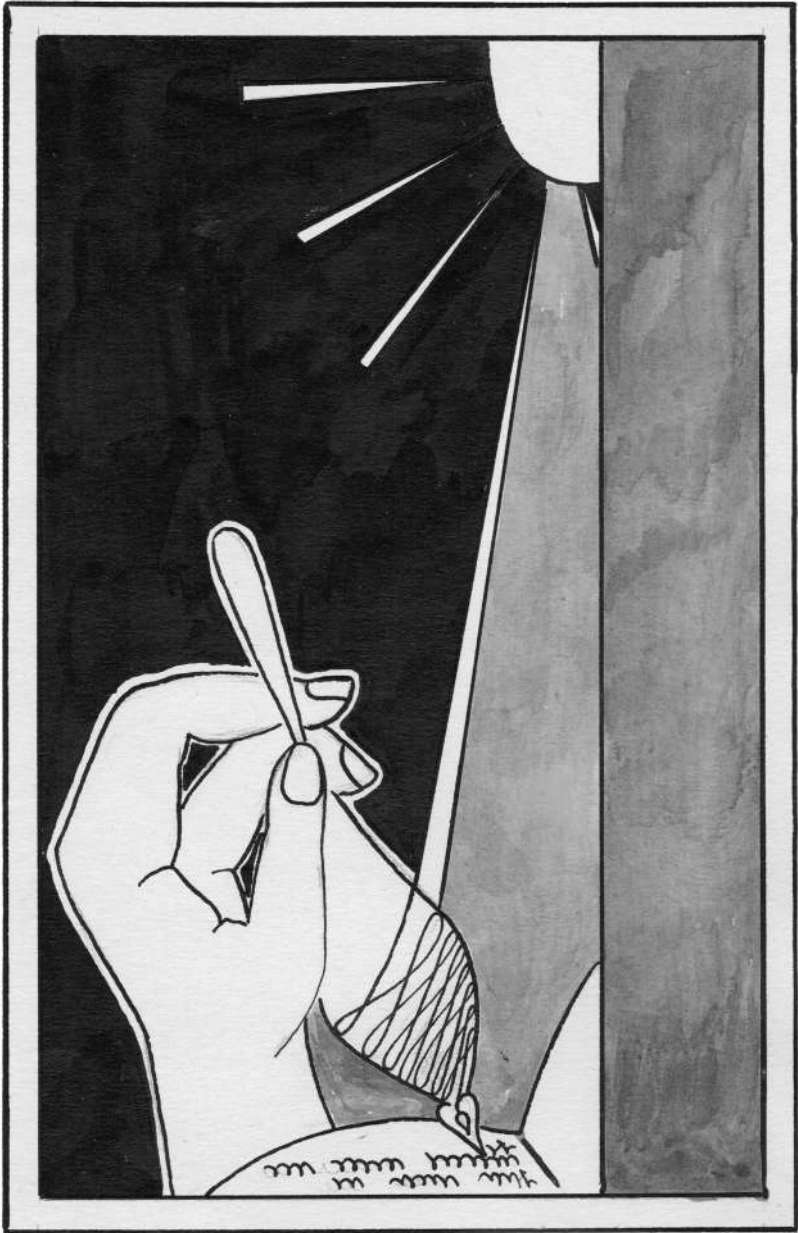
В простенке меж окон в июлем бликующей раме
Тропинка и поле... и сбитые наземь колосья.

Вдруг да что-то и помнит

Вдруг да что-то и помнит ветренная трава,
Намоленная изба, памяти колокольня.
Дружной охапкой спящие у печи дрова.
Праздником расцветающий полдень.

Вновь восходить по кругу своей судьбы.
И повторять сохранившее годы лето.
И повторять неизменно целебное «ты»
Каждому эху, что в душу иглой продето.
Каждому взгляду, таящему тайну тайн.
Каждому чувству, дающему право надежды
На невозможность... На праведность,
На...

Не угасай, моё время, — не притеняй
Щедрого лета ласкающие одежды.

Когда я ещё ничего не боялась

когда я ещё ничего не боялась
росла ветром в поле тропой в низине
когда числился дождь в подарках
поносить сапоги разрешала зина
жизнь была не придумана
просто утро вечер о чём тут думать
а в округе леса шептунья-речка
лошадь такого роста — затмевала звёзды
баня под самый вечер
на столе бесконечные кринки
с молоком грибами ягодой пылкой
солнце говорило спокойной ночи
одаривая улыбкой
когда ещё не было «было-будет»
и всё сегодня сейчас навечно
время так бесконечно-доверчиво
теплолось у меня в ладонях
серым зайкой пойманным за огородом
назначая новые встречи
по приезде в город звездой-ромашкой
по причине лета билетом дальним
единственно когда было страшно
слышать шорохи тараканьи
за обоями возле печки

Всей семьёй закупа́ли баранки

Всей семьёй закупа́ли баранки,
Чемодан набивали фанерный,
Связки солнц — золотую приманку —
Увозили на лето в деревню.

Ты румянцем меня обделила?
Жгла мне ноги стернёй и росю?
Ты меня принимала, Россия,
Быть с тобою.

Памяти Афанасьевны

А на самом краю деревни,
Где избушка с зелёной крышей,
Живёт моя бабка — Недоля.
Посылает она в посылках
То черёмухи колкую грудку,
То пушистую заячью лапку.

Проскажись: «Ай, просужая девка!
Вот ужо мы подоим корову,
Испеку тебе к завтраку шанег».
У Бурёнки красивое ухо.
Я её не боюсь, а в подойник
Словно белое утро стекает.

Я — в дурацких тяжёлых ботинках —
Мну росу и стучу по коленкам
Бессловесной тяжёлою дужкой.
А ведро по траве да по кочкам.
Вкус мозоли на розовой коже.
Благодарность высокому небу.

Вот и мне вдруг привиделось — мудрость
Ощутить среди пылких развалин:
Половик, испещрённый разлукой.
Ковш с весёлой лягушкой на донце.
Вот доска от разбитых полатей.
Паутина, где были иконы.

Испекутся с черёмухой шаньги.
Что озябшие ягоды?
Вечность?

Всё пытаюсь понять

Всё пытаюсь понять, где тот берег, куда я спешу.
Там захватанный солнцем лежит половик возле двери,
За которой живёт не остывший от праздника шум
Колосистых полей и державных, до неба, деревьев.
Где коснётся души облюбленный с детства мосток
Над прозрачною речкой, где мирно пасутся рыбёшки.
Где за домом нас ждёт кучерявый весёлый горох, —
Поживей подставляйте подолы свои и лукошки!

Я люблю эту пору оставленных детством мне лиц,
Где не знали границ меж родством и обычной приязнью,
Где всегда находились места у проезжих возниц
На телегах и дрогах...

нас с поезда ждущих напрасно...

Да кто его знает

Да кто его знает,
Каков он, мой прадед,
Но вряд ли имел он
В заначке тетради.
Крестьянствовал – сеял.
А иначе б помер.
Да строил избу
При наличии брёвен.
Любил материться –
Иначе невкусно.
Как стол без поживы:
Зверья и капусты.
И были детишки...
Прости многословье, –
Не ты ли, мой прадед,
Крестил нас любовью?
Неистойой, жгучей.
Порою без смысла...
Из бани дымок,
Словно хлеб, запашистый.
Каменья трещат в ней
Да варится щёлок.

И путь до родных своих,
В общем, недолог.

Да и вправду ли мы городские

Да и вправду ли мы городские, —
Здесь родились, да здесь ли умрём?
Колдовской нерастраченной силой
Тянет за душу дедовский дом.

Есть надежда на то, что утратим
Покровительство каменных рек
И вернёмся. И щедро заплатим
За невольно свершённый побег.

Обретаются воля и сила

Обретаются воля и сила.
Тешит душу доверчивый пёс,
И в реке, занемогшей от ила,
Отражаются души берёз.

А над ними и небо, и крыши,
Редкий промельк нечаянных крыл.
Будто кто-то нечаянно вышел,
А вернуться сюда позабыл.

Помидоры не зрели

Помидоры не зрели. Одна лишь картошка да лук.
Не до яблонь, когда по весне задавались метели.
Мирно стригли овец. Засевали пшеницею круг:
Серединую печь да иконки, чтоб видно с постели.
А в почёте меж окон был выставлен редкий коллаж
Нашей жизни-судьбы,
 где приезжий раз в лето фотограф
Собирал из остатков, разбросанных всюду, витраж:
Ноги в цыпках. Собака. Колодец, чернеющий мокро.
Вот он, Коля-матрос, да Борисов в армейском своём.
Манька, Гришка да Васька
 в углу на своих лисапедах.
А вот это москвички. Уставились, как под ружьём,
Над гробиной: прощанье
 с Арсением, бабкиным дедом.

Были брага и шаньги. Не драки — частушки и мат.
И леса — не леса, а огромные мира подворья,
Где под ягоды брали ни много ни мало — бурак.
И творилась там жизнь, как хлеба, —
 без поспешности и суесловья.

Что ж так тянет туда, в эту мокреть, куда без сапог
Не шагнуть. Где как символ прощанья
 согретый пирог из-за пазух.

Где у кромки дороги стоит нами узанный Бог:
Деревенский остаток —
 доверчиво ждущий нас август.

В третьем колене

В третьем колене,
В четвёртом колене
Прадед мой был
До земли неизменен:
Пестовал,
Нашивал даже в лукошке, —
И на завалинке
Зрела картошка.

Что ж для меня ты
Так чёрно и горько, —
Грязь, что обходим,
Смываем — и только?
Где же ты, воля,
Румянец на щёчках...
Корни и черви
В цветочных горшочках.

И вот не счесть земных исповедален

И вот не счесть земных исповедален:
Нетронутых некошенных лугов,
Где путь один — в немеркнущие дали...
Где никаких не видно берегов.
Лишь тайный свет. Порой из-под полицы —
Хранящий нас повсюду оберег:
Родной земли немеркнущие лица,
Таящие возвышенность побед.
Как много в нас любви исповедальной.
И, как упрёк, сожмёшь порой в горсти
Комок земли. Почти забытой.
Дальней.
Сглотнув, как ком, неловкое «прости».

Без протеста, отчаянья, страха

Без протеста, отчаянья, страха —
Просто так разорвалась рубаха:
Истончилась за столько-то лет.
Всё равно постирали, отмыли
И в сундук на поветь положили —
Ты для нас ещё рядышком, дед.

Романс о доме

Влачусь по городку. Он, сам бездомный,
Серебряной тесьмой приворожил
Заборов, незатейливых крылечек,
Растрёпанных кустов, из любопытства
Шагнувших на дорогу. Наказаньем
Для них за это вековая пыль,
Осевшая на каменные листья.
Кружу за ним. Дразню живое эхо, —
Вот из окна младенец отозвался,
Вот юркнул в щель трепещущий комок.
Наверно,мышь, но я не разглядела.
Мостки пружинят, подстрекая время
К тому, чтобы закончить этот путь
Вокзалом, кассой, скорой на расправу, —
Всего того, что возвращает нас:
Благословенны верные Пенаты.

Бездомный мой, бездонный городок
Мне уготовил вечное прощанье.
Куда ни едешь, всё не миновать
Его любви — моей пристрастной доли.
Прощай, мой милый. Нам не удалось
Ни душу отвести (хоть в лес соседний),
Ни вырваться из круга своего:
Мы жили здесь.

Мы живы здесь бывали.

Считается, что знаю, как нам жить

Считается, что знаю, как нам жить:
Желательно, чтоб с пользой и со вкусом,
Но запинаясь часто у межи
Меж матерью моей и бабкой Музой.
Одной бы всё по полю да лесам.
Другая отоваривалась сплавом:
В сталелитейном цехе по утрам,
Спекальщица, бери огонь задаром!
У бабки печь и мама при печи.
Одной — простор и тяга в поднебесье,
Другой и слов не вымолвить — так тесно,
Так жалобно в груди её горчит.
И всё ж ликбез не зря простился с ней.
Чернильный карандаш не опасался
И скрашивал предательство ночей —
Бессонницу... и всё же исписался.
Про ту же печь, но в доме у отца,
Про ту же рань, но только колдовскую,
Где дышит поле рядом у лица,
Где сотню лет кукушка накукует.
Добрёла потихонечку тетрадь.
И, украшая каждое застолье,
Стихи читала мама, чтоб не больно
Нам было жить, надеяться и ждать.

Межа давно пропала, заросла
Быльём, и мне всего-то, что досталось:
Её непревзойдённая весна
И строчки, что стихами всем казались.
А с Музой мы не виделись с тех пор,
Как затерялась лёгкая зобенька:
Ни ягоды, чтоб внучку потетенькать,
Ни трав, продолжить чтобы разговор...

Я не нужна ещё, мама, тебе?

– Я не нужна ещё, мама, тебе?
– Нет, погуляй ещё, дочка, на воле, –
Там, где ромашками теплится поле,
Вновь подступая вплотную к избе.

Да не спеши: рай, конечно, он рай.
Только вот руки мои поостыли:
Помнят и трактор, и грабли, и вилы, –
Хватишься – только небес через край.

Мне никогда и не виделось столько.
Да и привычки-то нету такой.
То поднимаешь из люльки ребёнка.
То по утрам повышаешь удои...

Или скребёшь от души половицы.
Или хлеба долгожданные жнёшь.
Где оно, небо?

Не видела...

Птицы?

Только присмотришься – тут вам и ночь.

Где-то у вас половик мой остался, –
Баско ложились на нём узорки...
Как говорят, отдала бы полцарства,
Если б моей он коснулся руки...

Если бы руки коснулись руки.

Век наш трудный, тяжёлый

Век наш трудный, тяжёлый, —
У всех за плечами грехи...

Дай опять повидаться
В оставленном надолго храме.
Там, где свечи горят,
Освещая сквозные верхи.
Там, где лица икон —
Как родня,
Отведённая маме.

Вот узнала бы близких!
Пошла бы здороваться к ним!
Ничего не прося,
Показала бы просто им
Дочку.
Раздала бы им свечи,
Чтоб высветить каждый нимб.
Не забыла молитву
Во здравие, —
Это уж точно.

...Я однажды найду
Припорошенный временем храм
И по ликам святых
Родословную вычислю споро:
Там мой прадед глядел,
Осуждая царящий бедлам!

Так царила Надежда,
Раздавая пришедшим
Просфоры.

СЛИШКОМ ТЯНЕТ ЗЕМНОЕ

Слишком тянет земное, Господи, слишком...
Эта память черёмух, замешанных на облаках.
Вереницы полей, как раскрытые детские книжки,
На страницах которых то лён, то следы василька.

И могущество леса: ведущие к выходу тропы.
И крыльцо как ладонь, что открыта всемирным ветрам.
И у двери стоящий, белеющий утром подойник,
Переполненный светом парного ещё молока.

Сохрани то, что есть: мы тобою любимы и святы.
Наши дети хранят простоту незаёмных имён.
В похоронках истлевших навечно остались солдаты.
В опустевших подворьях — незримая святость икон.

Да, есть альбом

Да, есть альбом, где чинно и светло
Живёт какой-то родственницы абрис.
А рядом, по низу, где пусто полотно,
Царапающий почерк. Им же адрес,
Оставленный на то, чтобы забыть:
Почти что век, нетронутый, в потёмках,
При сундуке... Там платья, чтоб любить
И замуж выходить. И ждать потомков.

И в том числе, пожалуй, и меня,
Взращённую под звуки колыбельной,
В которой тень несбывшегося дня:
Ушёл солдат и сгинул во вселенной.
А по соседству видный военврач.
О нём мне говорили, да забылось.
А это прадед — он у нас силач.
Все родственники были, были...

Были!

То при параде, то с кнутом в лаптях, —
Наверное, так было им сподручней.
То ордена, то яркий отблеск блях.
А то костыль, приставленный на случай,
Коль вдруг захочешь выйти из избы...
Вновь города прилежные мотивы:
За креслом сын. Вот крестят в Пасху лбы
Улыбчивые прапоры и дивы...

И вновь летит по небу карусель.
Стреножен конь, но бесконечны лица
Моей родни на множество недель.

И, дай Бог, жизнь и дальше будет длиться.

Выпадают сны

На пороге зимы, где не снег, но, как видишь, лёд,
Выпадают сны, — словно кто меня бережёт:
За короткий день налаживает мосты
Там, где пропасть в год, а мгновение в три версты,
Через веки памяти: взгляд... лицо...
Посредине лета стоит крыльцо,
На котором мама и пёс Дунай.
Лишь взойдёшь, покажется неба край,
А немного стихнешь — иконок свет...
Забывать всё это согласия нет.

Выпадают сны, и кружит, как снег,
Неприступность зим сквозь цветенье лет.

По своей тропе

По своей тропе, где ты сам-один
(Сам себе слуга, сам и господин),
Дед с утра спешил в приручѣнный лес, —
Не сплошаешь сам, так и чѣрт не съест.

На тропу вставал и спускался в лог,
Поджидал другой там охотник — волк:
Это наш Дунай уводил дедка
На шумливый ток, где блестит река.

На медведя вѣл, вместе белку бил,
Зайцев гнал зимой, не теряя сил.
Не любил собак, — в мелкоте в чѣм прок.
Дед ласкал:

— Дунай...

Пѣс большой, как волк,
Горделиво жил, матерел к зиме.
Как хозяин шѣл по своей земле.
Только к лету вдруг ни с чего занемог..
Дед молитвы слал, да не принял Бог.

— Поживи, Дунай, нам с тобой ещё... —
Ни одна слеза не коснулась щѣк.

С той поры в лесу не бывал старик:
— Ни к чему, — сказал. — Убивать — отвык.
Да и мой вожак ждѣт меня не там, —
Пусть уж кто другой платит дань лесам.

...Лишь одна тропа, где ты сам-один:
Сам себе слуга, сам и господин,
А собьётся в лог торопливый шаг,
Прокричу сильней:

– Подожди... Вожак!

Шевельнётся куст, мелкой дробью дождь.
Столько лет прошло...
не напрасно ль ждёшь?

Ещё не лес

Ещё не лес, но предвкушенье леса:
Еловые смешные стоячки
Глядят на нас совсем без интереса, —
Им с нами хороводить не с руки.
А дальше в небо улетают ветки,
И, голову задрав, орёшь: «Ау!» —
Не замечая за кустами метки:
То платишки девчачьи, то картуз.
И вот, смеясь, лентясь и озоруя,
Едим чернику, возлежав, с куста.
Два пса сторожевых, забив места,
Балдеют с нами, мордами бликуя.

Ещё не лес — предчувствие любви
Той детской и уже неповторимой,
Когда войдёшь — и сразу все твои.
Где, наконец, своё узнаешь имя.
И нет уже вопросов, с кем ты, кто ты...
Весь мир земной у леса под присмотром.

Невозвратность

Всё, что было слезами, высохнет до зимы
В нескончаемом пламени клёнов, осин, рябин...
Путь наш случаен и тьмою подчас размыт:
Кто мы с тобой, за собой не знавшие вин?
Что бы ни просказалось — это ли нам вина?
Лес мой смежил ресницы (сосна да ель).
Как ни торгуйся, жизнь-то всего одна:
Ангельский хрусткий март да ещё апрель.
Это уж после будет внесён в реестр
Наш календарь на запястьях будничных дней.
Непроходимость душ, обещаний, мест
И невозвратность поздно любимых людей.

А лес был рядом, под рукой

А лес был рядом, под рукой.
О чём-то шепчущий орешник,
Дубы, рябины, ельник вешний...
Сквозь сосен утренний покой.
И свет, спускавшийся с горы
И пребывающий неспешно,
И тишь, и звон, где комары,
И шёпот гулкий и нездешний.
И вновь берёзовая стать,
И, словно открывая небо,
Опушка леса, где хотел бы
Остаться, чтоб не умирать.

А от поваленной сосны
Такая тайна и безродство,
Как у оттаявшей весны
С зимой неявленное сходство.

Уходит гулять,
забывает свой адрес, имя

Уходит гулять, забывает свой адрес, имя.
Аукает время, поросшее сорной травой.
Погладит осинки, что издавна были своими.
— Заступницы, — скажет, качая слегка головою.

Проходит меж сосен, когда-то любимому пляжу
Несёт своё тело, которое стало душою.
Ему одному она что-то такое расскажет,
Что станет судьбою.

С подола стряхнёт потерявшие данность песчинки.
Попробует воду почти онемевшей рукою.
И снова вернётся туда, где осталась тропинка,
Ведущая к небу —
зовущая вновь за собою.

И вновь дорога тянется на север

...И вновь дорога тянется на север,
И ты чуть не сворачиваешь шею,
Когда тебя окликнут: «Обернись!»
На избы вдоль путей, несущих поезд,
На кур, что, ни о чём не беспокоясь,
Мелькнут меж замирающих страниц.
Отставшие машины в вязких лужах
И небеса, где никому не нужен
Никто из тех, кто здесь когда-то рос.
И всё ж таки вагонная подача —
Тот промельк, за который ты не платишь,
Как только что за чай проводнику, —
Там, впереди, всё радостней и круче:
Вокзал, где встретят, довезут, — отучат
Смотреть туда, где нету сил помочь.
Где разговор как будто пересказан
Всем Житиём и покоряет фразы
Душевности непокорённый флёр.

И всё ж таки опять к тебе — на север:
Последний шанс для загнанного зверя.
Отстойники столичных кладовых.
Взлетающие до сих пор ракеты.
Подводники. Существованье Леты.
И минимум прожиточный — взаимы.

Блаженны те... не мудрствуя лукаво,
Забьют нам чип, чтоб обесточить память, —
Но всё-таки живём ещё, живём.
И есть родник, теснящий наносное,
Отвергший чужемудрое, пустое...

Ту землю до конца в сердцах несём.

Не россиянин ты – русак!

Не россиянин ты – русак:
Россия, Русь тебя растила,
Переменяя русский мат
И русский стих с отменной силой.
Крестом любви топорщит грудь
За то, что здесь, в краю весеннем,
Сумел принять в себя, вдохнуть
Всё то, что так любил Есенин.

За то, что близок был Рубцов
И полумерки-полустанки,
Где до сих пор раскат боёв
И прущие на вырост танки.
За то, что вечен оберег:
Подснежник первый из-под снега
На берегах могучих рек,
Прошитых стрелами побега.
Ты – русский, у тебя в крови
История твоей державы...
И потому ты знаешь их:
Толстой и Пушкин...
И Державин.

И ненасытен разговор

И ненасытен разговор,
Что долго исподволь ведётся,
О том, что нынче мало солнца,
А вот снега́... любить изволь
Их даже в марте. Где причина
Такой изменчивости дня?
И продолжается, любя,
Обмен незначашим. Вдруг имя
Возникнет в паузе короткой...

И снова вспомнишь Верховажье.
И вот уже совсем не важно,
Что только март: чуть-чуть до лета!
И мы опять даём обеты,
Что непременно... Как бы... Что бы...
Душе так веровать охота,
Что мы сильны и неизменно
Нас будут ждать там Граня, Лена.
И Павел выйдет на крыльцо,
От солнца заслонив лицо...

Блаженный край всех наших мечт.
Значительность давнишних встреч.
Земли исконной любованье.

...И хочется её сберечь
Для новых дней. И... созиданья
Своих —
оставленных там душ...

Дельта Северной Двины. Апрель

1. Берёзы балетны, а сосны тонки

Берёзы балетны, а сосны тонки
Сквозным ощущеньем весны и простора.

Там ели сошли по колено во мхи —
Оправу небес, чьи бездонны озёра.

Кричащие чайки... Остатки зимы
Сплаваются вниз по теченью, как струги.

То поднятый палец грозящей руки.
То крылья, скребущие волны в испуге.

2. Когда умаешься и день...

Когда умаешься и день
Сойдёт на нет, уняв теченье
Ненужных мыслей, облаченье
Пустот и тёмных вод свеченье, —
В колечко памяти продень
Завесу брошенного пляжа:
Хруст ракушек, остатки льда...
Восходит к небесам вода
И кружева неспешно вяжет
Волной, несущей сучья, ил.
Там день успешно находил
Потери-сны-преображенья.
Сквозь неприютности зеркал
Прошедшей жизни отраженья:

На Яграх есть мемориал
И танковых ежей скрещенье.

И явь затопленных следов,
Лишь ускоряющих движенье.

3. Чем тоньше свет меж стынущих берёз

Чем тоньше свет меж стынущих берёз,
Тем ближе ощущение покоя.
Здесь низок свод, впитавший тяжесть рос,
И всё вокруг немножечко иное,
Чем прежде... Припоздавшее родство.
Замков не знают дачные калитки.
И затяжное длится баловство
Ветров, что подчиняются улыбкам.
Игривый пёс (осанистый бульдог)
Поводит оседавшими боками:
Вбирает море, опустевший плёс
И сторожащий свет за облаками.
Кто знает, где опять взойдёт тепло,
Опережая налетевший ветер.
В плену зеркал настоящая плоть.
И в ней всё настоящее на свете.

4. Правят миром, как видно, реки

Правят миром, как видно, реки, –
Вон их сколько у берегов!
Как ни ставь им запруды-крепички,
Снова вырвутся из оков.
То всем скопом, то в одиночку
Вхожи в пустоши и моря.

Юг и Сухона, Емца строчкой,
А на деле – одна Двина.
Резь теченья рванув, как жилу,
Там, где Севера светел круг,
Вышла к морю вольна, красива,
С перстеньком на волне – Мудьюг!
Рыбы стаей идут на нерест,
Округляя икрой бока.
Мох оправой и небом вереск,
Поднимающий берега...
Скромным солнцем, подвижным глянецом
Манит, кружит издалека
Дельта жизни в земном убранстве.
Как ни скажешь, одно: *река!*

5. Мы там, где нас нет

Мы там, где нас нет:
Где ещё не присели,
Встречая у ног за волною волну.
Мы свергнуты, брошены, втиснуты еле
В обузу привычек... Ведущих ко дну
Условностей: линий привычно-надёжных.
У множества стражей, ведущих отсчёт
Всему, что даровано и непреложно, –
Бескрайнее море и небо вразлёт.
Мы там, где нас нет. И пространство немеет.
Что взять с нас, бездомных, в великом краю...
А в наших ладонях чуть светит и тлеет
Остаточек влаги.
И манит звезду.

Верка – дура

Верка – дура. К тебе прижалась,
Вот и кажется, что тепло.
А про то, что при доме жалость, –
Вон как стены поиздержались, –
Невдомёк ей.

Не повезло:

Норовиста судьба-облипка, –
Вот и тянется канитель.
А на Верке цветёт улыбка, –
Что же, вешаться ей теперь?
И живут без добра-обновы,
На соседей махнув рукой.
Вот и мальчик белоголовый
Поселился у них зимой.
– Верка – дура, – крестятся бабки,
Пригорюнившись у окна.
А она расцветает в няньках,
Щедротю своей полна.
Что за женщины в наших селеньях, –
Никаким умом не проймёшь.
Им без жалости – без жаленья –
Нелюбовь, хоть иди под нож.
...Вот прижмётся к нему игриво,
И покажется ей: тепло...

Не заметили? Сиротливых
Стало меньше на то село.

И вот затих весь мир

И вот затих весь мир. И я пред ним
Остаточком — листом заиндевевшим...

А Зина бы сказала:

— Ну вас к лешему, —
Давайте просто так поговорим.

И снова все уселись бы за стол.
И было бы прощанье как прощанье:
И пироги, и чистый самогон,
И наши души — как в исповедалъне.

Ни разу не взглянули за окно:
Куда ему, когда родные лица,
Чей свет ложится в память, как зерно,
Чтоб позже непременно возродиться.

Прощались перед долгою зимой.
И на плечах топорщились ладони.
А Зина всё стояла на изломе
Последних лет и нас ждала домой.

Семья, в которой не было медалей

Семья, в которой не было медалей,
Пожалуй, необычная семья.
Но так уж вышло: сеяли, пахали,
Своих ушедших мирно поминали
И жили дальше, рук не сухотя.
И дальше жили: скромно, тихо, мерно,
Года ведя, как лошадь, под уздцы.
И так же провожала их деревня:
Невидно жили... нет, не молодцы...
Но странно, каждый там нашёл отметку:
Кому топор, подушка, чугунок,
Кому иконка, чистая салфетка,
А маме фотка: двадцать первый год.
Где было море, безразмерно море...
И ракушка волшебная — рапан.
Пошепчешься — и пропадает горе.
И протрезвеешь, даже если пьян.
Всё так и было: время, годы, люди —
Какие есть, с какими привелось.
И мы уйдём.

На поминальном блюде
Одни стихи, — рассыпанная горсть...

Семя в рыхлую землю

семя в рыхлую землю дай жизни нам бог
чтоб наш труд не сказался напрасен и плох
пусть взойдут васильки меж головками льна
а над темью зависнет такая луна
что завидки возьмут и вздохнёшь над рекой
вот и мне бы такой...

такой

а затем погадаешь на нечет и чёт
и с ладони стяхнёшь припозднился жучок
и уедешь и долго во сне напрямки
будешь снова спешить в эту даль вопреки
всем заботам и хворям годам и делам
чтобы зёрнышко бросить к христовым ногам

чтобы в небо потом поднялась как всегда
среди многих других нашей жизни звезда

Всё по избам бродила

Всё по избам бродила, в шали кутая крик, —
Безголосо молила за убитых родных,
За пропащих — пропавших на поганой войне:
Были младший и старший, да пропали в огне.

У затвора присядет, спустит на плечи плат.

Кто ни мимо:

— Ты с Борькой не встречался, солдат?

Моего не приметил? Он завидный такой... —

И коснётся коленей заскорузлой рукой.

На пригорке присядет, рядом стелен платок.

Вдруг частушку заладит, да собьётся: не то!

Сковырнётся с горушки, у лесочка мелькнёт:

— Пашка едет, отпущен на три дня паренёк!

Захлопочет у ставен, — только дом-то забит.

— Погодите-ко... Сталин... — Только ветер знобит.

Но у каждой берёзы что ни лист, то медаль:

За любовь да за слёзы —

непроглядную даль...

По дворам всё скиталась, в шали кутая крик,

Голосила за дальних, за убитых чужих:

С Горбунихи — Олёшка, с Горки — целый пятак,

Большедворских, макарцевских рыжих робят.

Баб, оставленных стынуть, несочтённых сирот...

Что ни спросишь — всё мимо: от ворот поворот.

Что и помнит:

— Ты Борьку не приметил, солдат?

Пусть он мамку-то вспомнит да вернётся назад.

Поголял, да и будет, — вишь, крыльцо не в чести:
Стала снова крапива сквозь ступеньки расти.

...

Обо всех голосила, кто ещё не убит,
Будто знала, Россия, что тебе предстоит:
Соловки, перестройки, отнимавшие честь, —
Дней, пропитанных войнами, в судьбах не счесть.

От затвора к затвору наша память-верста, —
Именами читается время с листа.
Сумасшедшая баба, с такой что возьмёшь?
Откричала, и ладно.

...Вот и дальше живёшь.

Млечный Путь

Памяти брата

1. На моём небосклоне звезда

На моём небосклоне звезда –
Это память о тех, кто мне дорог.
Это звёздами вышитый полог
Над кроватью родного дитя.

Это Вера, Надежда, Любовь –
Три сестры в изголовье Отчизны.
Три сестры, написавшие письма,
Половина которых – с войны.

И надёжнее этого нет.
И о чём бы теперь ни писала,
Есть звезда, – значит, будет рассвет:
Пониманье добра и начала.

2. Есть Млечный Путь!

Есть Млечный Путь!

Когда приходит май,
Когда любви так много – через край –
И хочется любовью поделиться, –
Не звёзды вниз спускаются, а лица:
– Ну что, столица,
Наших –
Принимай!

И звёзды на пилотках, на плечах
Сияют и немножечко горчат.
И млечность освещает им дорогу.
А мы несём их в трепетных руках:
Прошедших войны, победивших страх,
А после провожаем снова:
К Богу!

P. S.

Я не была на той войне.
Я опоздала. Не сумела.
Но мать, клонясь над колыбелью,
Её всё напевала мне.

3. Звёзды – это история наших погон

Звёзды – это история наших погон.
Это дикое поле с одним обелиском.
Это контур звезды над могилами близких.
Это – шествие жизнь подаривших имён.

Погасить невозможно –
Не даст небосклон.

Я буду писать тебе долго

Я буду писать тебе долго,
Пока ты не приедешь домой
Разорвать эту бумажку,
На которой написано,
Что ты
Убит.

Да не надо мне говорить

Да не надо мне говорить,
Как болит оторванная нога.
Как ночами она не спит,
Бродит, брошенная, одна.
Как придавливает бычок.
Как опархивает с колен
Тень, что застит весь белый свет,
Принуждая сдаваться в плен.

...Дядька младший мой, наш Григорий,
Без обиды и суесловий:
Лазал крышу чинить без ног,
На работе пока сынок.
И до дна осушал он чашу,
Что дарила ему судьба.
И, щепотью касаясь лба,
Спать ложился, шепча: «Знай наших!»

Программа «Время»

Программа «Время»:
Манифесты, протесты, убийства,
А на сельском обелиске
Тридцать раз и ещё три раза
Повторена моя фамилия.
Моя семья:
Погибшая. Пропавшая без вести.
Сберегающая меня.

Да и нет

Да и нет, чёрный цвет или белый,
Но едина меж ними земля.
Обезглавленным верящим телом
Прикрывают её тополя.

Так сквозь тяготы наши, утраты
Нескончаемо тянется нить:
Быть твоим неизвестным солдатом.
Не считаться. Не числиться.
Быть.

А сегодня вот так

Девятого мая шёл сильный снег.

А сегодня вот так: снег бинтами ложится на раны
Нашей памяти. Кто-то опять до весны не дожил.
Нестареющий май, что прошёлся с Победой по странам,
Не сберёг этих душ: на гражданке их всех положил.
Что им наши цветы, — там по армии было на брата.
Там блокаду по-братски делили на стыд и на соль.
Кто-то вышел из строя в начале: лишь грезился Пятый.
А они были в Первом. А брат мой и в Сорок втором...

А сегодня вот так: медсанбат на газонах и в скверах.
Там, где были цветы, расплзается стылая кровь.
Продолжается май, где Победа бледнела в потерях,
В лагеря отправляя прошедших все бойни сынов.
Ветераны уйдут. И займут их места ветераны.
Разве мало нам войн. Мы без этого вроде никак.
И опять будет май. И опять словно стигмы все раны.
И с Бессмертным полком вновь пойдём по земле...
Защищать.

Приведи позабыть, отрешиться

Приведи позабыть, отрешиться, —
Что мне этот рябиновый сад,
Где над грядкой в зелёном корытце
Золотые соцветья висят.
Что мне это протяжное ведро?
Чур меня! Отвяжись! Не замай!..
Отчего так продрогло и мокро —
Этот вечер, обёрнутый в май?
Эта острая первая горечь:
Горечь лука, где так невдомёк,
Что разящий рябиновый короб
Только детства бумажный кулёк
С леденцами, что слиплись и свыклись:
Зелень в красном, а ночь — в голубом...
В сентябрях, словно памятка, ты ли
Тот костёр, обступивший мой дом?
Там и тяжело, и горько, и сладко, —
Голубая заблудшая чудь!
Тонких веток горчашая складка
Перехватит смущённую грудь.
Не кляни за моё беззаконье:
Позабудешь — и то не уйду:
Дай услышать, как эхом зелёным
Тонут звёзды в погасшем пруду.
Дай же счастье безмерное сдюжить
(Мне ли память повёртывать вспять?).
Бередящий продрогшую душу,
Ты послушай, ты только послушай
Этот майский рябиновый сад!

Сегодня у крёстночки был бы день рожденья

Сегодня у крёстночки был бы день рожденья.
Сто двенадцать! Сидела бы на диване
Среди вороха многих газет, публикующих вечность, —
Читала.

Руки её незатейливо глядят оборки
Нового передничка, сшитого правнучкой.

За окошком за мясом нет очереди.
— Помнишь, Ниночка, как мы с тобою стояли... —
Я брала своих бабок как подтвержденье
Праву на жизнь:
Килограмм макарон, баночка кофе,
Курица, вылинявшая до срока.

Помню, как они говорили внучке:
— На тебе рублик, купи нам всем по мороженому, —
Не знали...

А крёстночка со своего места
Продолжает читать Мериме, Мопассана.
Вспоминает лётчиков из учебки, —
Как она, Лизонька-хохотушка,
Чуть не выскочила там замуж.

Про отца своего.
На завалинке ростил картошку:
Землю отняли, коня увели, корову.
Деток оставили. Восемь. Девятый-то, Ванечка, умер.

А она старше всех. Ей уж десять. Пора бы и в няньки, —
Благо Санька подвыросла — можно семью доверить.

Вот она подзывает меня к окошку:
— Смотри. Опять проглянуло солнце.
Жить-то как хорошо вам!

...

До свиданья, любовь, до свиданья.
Ты не можешь исчезнуть.
Ты теплишься в памятных лицах.
Ты на стол подаёшься
В пирожках по её рецепту.
Ты — не можешь исчезнуть.

Не можно...
Чтоб земля без любви осталась.

Фёдор

...Много лет спустя снова пришла зима. И на следующий день после Рождества Христова родился Фёдор — дар бога.

Обозначенный солнцем,
Продлевающий свет ветер,
Ты откуда такой — майский,
Наколдованный облаками?
Ты бежишь впереди всех к морю,
За тобою другие дети.
А листва расправляет сети,
Но не здесь — за дальней горою.

Эти сети на крылья птицам,
Утонувшим в блаженной неге.
А тебя несёт колесница:
Мой любимый весенний ветер.
Обозначенный солнцем, счастьем, —
Ты откуда такой — любимый?
— Это я, твой, бабушка, Фёдор, —
Быстро-быстро бегу вдоль залива.

НИКЧЕМУШКА

Пока я встану, приберусь

Пока я встану, приберусь, сготовлю кашу,
Ты, милый мой, ещё побудь во дне вчерашнем,
Где мы с тобой одной судьбой (большой и малой)
Идём тропой береговой вокруг квартала
И слышим отзвук, шум и плеск надводной кручи:
Трамвай проехал и исчез за солнцем ждущим,
Слепящим фары и углы, растящим плечи, —
О, эта праздничность поры, спешащей в вечность!

Сойдя с качелей, укрепясь среди пространства,
Ты лету радовался всласть, потом багрянцу
Привычных клёнов во дворе... а нынче свету,
Что снег проносит, обнажась, по парапету
Всех наших податей и дат твоих рождений.
И ждёт на даче спящий сад твоих свершений...

Среди салфеток на столе всего лишь утро, —
Всё как всегда, иди давай... не перепутай.

С ногами на скамейку и сижу

С ногами на скамейку и сижу,
Нахохлившись как зимняя ворона.
Гуляет внук. А я под солнцем таю
И жмурюсь от сияющего снега.
Сегодня март. И все мальчишки скачут
По горкам, по столам, что у беседки.
И дрожь весны нанизывает счастье
На каждый ствол... песочницу... фонарь...
Я шурюсь от избытка солнца.
И оттого, что внук кричит:

– Бабуля,

Мы – птицы. Мы с тобой почти как птицы!.. –
И достоверно машет рукавами
Огромной куртки, купленной на вырост.
– Ты хочешь, я к тебе сейчас примчу... –
Закладывает новую петлю:
– Я – Нестеров!.. – Пронизывает воздух.
И слышен шум его счастливых вёсен.
– А ну, бабуля, танки на подходе.
Стреляй. Одни с тобой остались в роте.
Не поддавайся всякой ерунде.
Подумаешь, чуть лишние годочки.

И он опять ползёт на четвереньках, –
Он танк. Буравит снежные заносы,
И Прохоровка стонет и гудит,
А он опять стреляет и стреляет.
И говорит мне:

– Ну, давай же орден, –

Ведь кто-то должен был весь мир спасти.
И панибратски радуется солнцу.
А после за руку его веду домой.

И он переставляет еле ноги.
Скребётся сапогами по дороге.
И хочет пить. Он очень хочет пить!
И ничего ему уже не надо.
Но главное оружие своё – гранаты,
То есть палки и ледышки,
Упорно тащит в грязные карманы...
– Давай команду, бабушка: я – лётчик! –
И беспредельно праведно хохочет
И собирает вновь боеприпас, –
Ведь кто-то должен защищать всех нас.

И спит потом. Дрожат во сне ресницы.
Там снова бой. Убитых – единицы...
Но, слава богу, это всё игра,
Придуманная только лишь вчера,
Когда читали книгу. И картинки
К себе его притягивали взор.
Пока война – лишь выдуманный вздор.

Уже большой, но маленький ещё

Уже большой, но маленький ещё,
Тебе поправить надо капюшон
И рассказать, что снова на Ямале
Грузовики с товарами пропали.
И вновь спросить:

— Машинку не забыл?

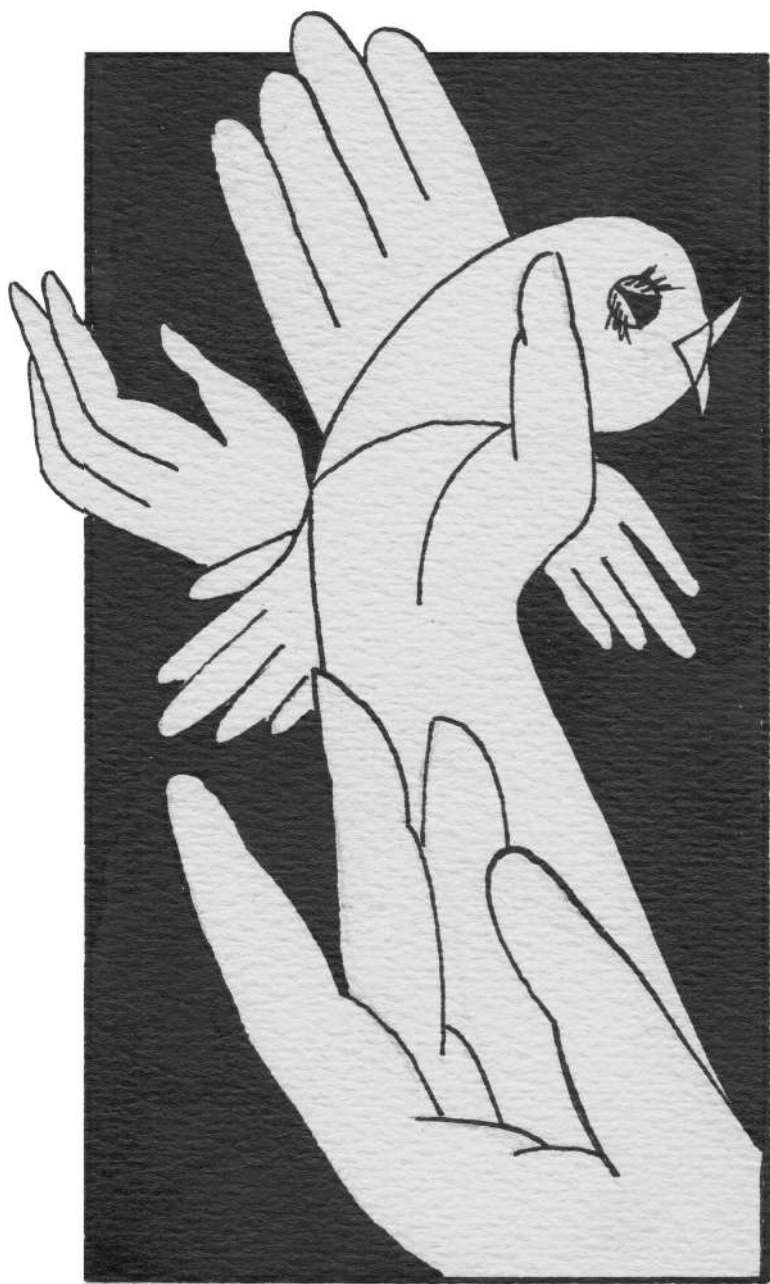
Чтоб самому помыться, хватит сил? —
А вечером добраться до прочтения
Искомых истин: книга, стол, тетрадь.
И сказки, где не станут умирать,
А выживут назло предназначенью.
Он мал ещё:

— Бабуля, подожди, —

Большой уже: наличие любви
Распознаётся, теплится и зреет.
А я при нём:

— Храни, Господь, храни! —

Он мал ещё, он вырасти сумеет.

Фуражка

Лет двадцать пролежала без вниманья
И вот так неожиданно нашлась.
И стала атрибутикой пацаньей:
Труби поход, солдатский правый марш!
Осев поверх ушей, тесня макушку,
Солдатская фуражка на ремне
Вдруг оказалась самой-самой нужной
В дворовой жизни, дома и во сне,
Где все бои значительней и ярче, —
Кокарда и, конечно же, звезда
В любое время для мальчишек значат
Победу без начала и конца.
И вот уж воин напружинил спину,
Грудь колесом подставил под медаль.
И принял полк защитника России.
Солдатским сыном мальчика назвал.

Ангелы

Ангелы... ангелы...

Ангелы встали в очередь за моей душой.

Приглядываюсь: кроме чёрных и белых,

Есть некоторые, отличающиеся наличием серого.

Пятнышко, полоска, тень...

Пожалуй, эти всего заманчивее, —

Кому, как не им, серо-буро-малиновым,

Знать всю силу и гибельность наших страстей,

Пагубность взлётов, торжество падений...

Мальчики, не устраивайте потасовки,

Пропустите, пожалуйста, вот этого,

С отметиной на напрасном крыле.

...Просыпайся, Фёдор,

Пора в школу.

Чуть появится время

Чуть появится время, которого нет,
И опять мой мальчишка играет в войну.
Так летят мотыльки на сбегающий свет —
И не верят в грозящую душам беду.

Он не знает, что страсти его ни при чём,
Если куплены судьбы солдат — палачом.

Времена кардиналов, что служат вождям.
Крепостные потуги средь бездны миров.
Он играет в войну, но кончается тайм —
И сбивается с темпа отвага птенцов.

Это дача, звенящая в нас тишиной.
Это возраст мальчишек — летящих на свет,
Где родная земля, как всегда, за спиной,
А того, кто позвал, так давно уже нет.

Не смолкает ружьё до расплат, до конца,
Умножая на радости горечь побед...
Только знак поражения не скроет лица,
Что посмотрит на нас через множество лет.

И опять тишина, только птицы поют,
Только капельки пота текут по спине, —
Слишком жадным и жарким сказался июнь
Сорок первого года, восставший во мне.

Кладбища не бойся, милый

Кладбища не бойся, милый.
Здесь лежат любимые, свои,
Кто тебе оставил это имя,
Полное доверья и любви.
Мы с тобой пройдем вдоль этих сосен,
Мимо незнакомых нам оград.
К нашей подойдем. Там дед и крестна...
 И навстречу мне рванется воздух,
 Так же как и много лет назад.

Мы им принесли кулич, яички.
А одно ты сам разрисовал.
Всё как надо, как велит обычай:
Пасха, верб теплеющий овал.
Пожелаем лёгкого лежанья.
Будь земля им пухом, не тяжбой.
Здесь и я назначу вам свиданье.
Хорошо бы только не зимой.

Здесь, в краю невыполотых сосен,
Тишины пасхальной не нарушь.
Мы сюда приходим к близким в гости.
 И звенит колокольцами воздух:
 Празднество родство принявших душ...

Птицы мёртвыми не бывают

Птицы мёртвыми не бывают:
Я не видела... Не хочу..
Уверяю: они летают, —
Заклинание бормочу.
Да, птенцов мы выводим в гнёздах.
Там отращиваем крыла,
Но потом-то! И рвётся воздух,
Примеряя их имена.

Будут дятлики и синички.
Совы, иволги, козодой.
Есть великая мудрость птичья:
Просыпаешься — значит, пой!

Птицы мёртвыми не бывают.
Никогда никому не верь!
Видишь, синь распахнулась маем,
Подменившим для нас апрель.
Потеснила все переулки,
Чтобы досталась небес крылам..
Крошим купленные им булки:
Воробьишкам да голубям.

Птицы мёртвыми не бывают:
Жизнь такая у нас, малыш.
Подмену сентябрины маем, —
Вот и ты у нас полетишь.

У тебя бабушка вряд ли птица

У тебя бабушка вряд ли птица,
Не из тех, кто каждому шлёт подарки:
Страница, для которой дороги – страницы,
Строки – нити, что тянут Парки.

У тебя бабушка – лень и тайна:
Каждый стих – поцелуй на щекочущей коже.
Все приезды, приправы её – случайны,
Несомненно прошение:
– Дай ему, Боже...

Путь – чтоб праведен был и счастлив,
Время – сильных и справедливых,
Блиzkих – духом, добром, участием...
День, настоянный на молитвах.

Бабушка твоя была – и... нету.
Не спешу прощаться, да что тут скажешь...
Снег летит ровнёхонько, ветер следом
На деревья весит снега, что пряжу.

Птица ли, не птица – частичка сердца,
Память, при которой шипы и розы.
Просто Новый год открывает дверцу
Прямо в небеса... Ты становишься взрослым.

Никчемушка

Перестаньте навязывать душу свою Никчемушке,
Ни шарфом в холода, ни добавкой вчерашней гречки, —
Он вставал бы в тиши,
спросонья подходил сначала к окошку,
Проверяя, всё ли на месте.
Раздавал, спеша, обещанья. Становился таким любимым.

Он богат, как султан, собою — всё при нём: золотое утро,
Папа-мама, а также Бяшка — верный спутник, оруженосец.
Исповедует только волю.

Никчемушка под вечер устанет и шепнёт мне:
— Пожалуй, ладно,
Расскажи, что сама хотела, а пока поиграю в танки... —
И нелепы мои потуги: не спеша, по одной ступеньке,
Подниматься туда, где выше.
После улицы долго с мылом отмывать грязнучие руки...
Подниматься туда, где завтра никого из нас там не будет.

Никчемушка... бабушка... осень... там другие живут понятия:
Там ты сильный, легко идущий.
Там всё меньше меня и меньше,
Словно снега в период вёсен...

Никчемушке дана свобода быть собой последнее лето,
Что так пряно жжёт ароматом колдовского затишья сада,
Уходившихся в зной ступеней, —
В сентябре появится школа.

Никчемушка, живи счастливым...

Во сне в твоих объятьях дремлют сказки

Во сне в твоих объятьях дремлют сказки,
В которых босоногие дороги
Приятно щекотят тебя теплом
И тайною за каждым поворотом.
Твой верный Бяшка (чем не Санчо Панса)
Мирно спит, прижавшись
К тебе немного поистёртым боком,
Но это ведь не важно, если рядом.

Но иногда объятий не хватает,
И ты тогда распахиваешь руки
И грудь вздымаешь, словно жёсткий парус,
И наполняешь всхлипом волн и криком.
И дышишь так восторженно и гордо,
Держа весь мир на жёстком поводке
У ног своих...

Топорщась и ликуя,
Как Гулливер, идёшь вперёд по странам,
Материкам, завистливым планетам,
Весь звёздными осыпан орденами...
Стожары — это август, скоро школа,
И слова «счастье» нет в твоих тетрадах,
И ты не знаешь, счастлив ты иль нет,
Но ты уверен в непременном завтра,
В незаблемости этих стен и звуков
И в том, что ты владеешь всем по праву
Земли и неба, веры и любви...

И лишь тебе доставшейся дороги.

Шесть сорок пять

Шесть сорок пять! Сарынь на кичку!
Будить, кормить и провожать.
Что за дурацкая привычка
С утра к народу приставать,
Когда всё холодно и хмуρο
И прерван сон, что так легко
Ложился ночью в партитуру
Времён, ушедших далеко.

Поднадоевшую привычку
С посылом божьим не равняй.
Там всё степенно, здесь — обычно:
Будильник, чайник через край.
Там наши крики только в диво.
Здесь ритуален каждый крик.
О том, что осень тороплива,
Да и зима уже впритык,
А мы ещё не распознали
Всю сладость лета и весны,
Где беспардонные вокзалы
Одной судьбой обручены.

И каждый раз всё снова: утро,
Бросок из полутьмы к воде
И жизнь, где я нужна как будто...
Но снова чёрт меня попутал,
И вот несу весь этот бред,
К стене прижавшись...

а замок

Давно уже отсёк потери...

С прекрасным утром, милый Бог,
И днём, что мне ещё доверен.
Спасибо, что ещё в привычке
Служить и угождать родным...
Где ход времён необратим,
А жить лениво — неприлично.

В этом городе нет построек – одни сады

В этом городе нет построек – одни сады:
Протоптаные дорожки вокруг принимающихся саженцев.
В нём пока что только весна: небеса до самой земли,
А земля – до самого неба, или так кажется.

Он ещё слишком молод, чтобы определиться
С местом для твоего дома, – чтобы был он доступен сразу
Солнцу, ветру и птицам, – зачем тебе больше?
Если солнце дарит небо, ветер – силу,
Ну а птицы – это всё остальное...

Зато в этом будущем городе уже есть песочница,
Где засели малыши с лопатками и формочками.
Присоединяйся.

Тебе кажется, что ты уже вырос из этой забавы:
Строить дом из песка.
Но ведь из ничего ничего и бывает.
А так ты начнёшь строить свой дом.
Сначала из песка и одного любопытства,
Потом из умения и упорства.
И, наконец, из любви и жажды творчества.
И тогда я приду к тебе на новоселье.
Если успею...

БЫЛ СОН НАСЫЩЕН
ПЕРЕЕЗДОМ В ЛЕТО

Если маску надеть,
будет вечер не так уж и плох

Если маску надеть, будет вечер не так уж и плох.
Вон по стенкам их сколько! Глазеют, сияют, хохочут
Разномастные девы. А рядом почти что оглох
Притулившийся кот, на тигрёнка когда-то похожий.

Ну так снова рискнём. Отвоюем себе красоту.
Я недаром её примеряла к себе целый вечер.
И глаза как озёра, — к такой побежишь за версту.
Эта синь!.. Эта высь!.. И не хочешь, да выйдешь навстречу.

Там глаза не глаза, но такая в них даль и пригожесть,
Что свербит на душе оттого, что жива невозможность...

Кто сказал, что запрет есть на то, что бессрочно люблю
Эту синь, эту блажь, — и не важно, что мне не угнаться
За любимым своим, как иной раз случалось дождю.
...Будем вновь рисовать. И опять рисовать и смеяться.

Там глаза не глаза, но такая в них даль и пригожесть.
Подрисую чуть-чуть, и появится снова... возможность.

Что же было? Было солнце!

Что же было? Было солнце! А ещё попутный ветер,
Тот, который на рассвете проскользнул к тебе за дверь
И увлѣк на сонный берег, где одно на целом свете
Для тебя светило солнце, вот и радуйся, и верь!

Это что же за картина, раз на ней все краски слепы, —
Лишь один бездонно-синий да беспечный золотой,
Повинующийся ветру, обнимающий всю землю
И немножко (мы-то знаем!) — заодно и нас с тобой.

Подставляем руки-лица, раскрываем настежь душу:
Пусть порадуетса солнцу, чтобы стать ещё светлей,
И заманчивому ветру, что показывает донца
Разлетающихся от счастья всех бумажных кораблей.

Возле ног волна и парус, над землёй сверкает небо —
Это просто светит солнце над тобой и надо мной.
Пусть оно всегда пребудет, где бы ты в дальнейшем ни был,
На картине: за окошком в обрамленье голубом.

Недоверчивое небо на меня смотрело косо, —
Очень трудно без вопросов быть одним лишь золотым.
Что ж, рисуйте как хотите: алым, рыжим и курносым,
Можно красным, можно жёлтым — солнцу цвет необходим.

Да и мы нужны, поверьте: поднимайтесь, принимайте,
Как пилюли, как подарок, — полной грудью и душой.
И увидите, как много (много больше, чем казалось)
Станет счастья рядом с вами...

До чего же хорошо!

И бездну принимать в одно дыханье

...И бездну принимать в одно дыханье,
И прозревать в назначенном пути
То птицей, не имеющей названья,
То именем, что скрылось впереди.
И удивляться: что давно знакомо,
Вдруг тайным знаком светит в темноте,
И принимать за промежуток дома
Всю Землю, где шагаешь налегке,
Навёрстывая время, что-то зная,
И торопясь и медля опоздать...
Вдруг чувствовать: опять строка сквозная
Стрелой туда, где неба не видать, —
Не знать, что из колодцев светят звёзды,
Чтоб тем, кто вдруг окажется на дне,
Поверилось, что не бывает поздно
И никогда... и никому... нигде!

Безвременье. Лишь солнце в вышине

Безвременье. Лишь солнце в вышине
Да птичьи бесконечные хоралы.
И свет, что просыпается во мне
Тягуче, нескончаемо и ало.
Ленивы веки. Дни обострены
Принятием и пониманьем слова:
Ещё беззвучным, сонным, не готовым
Явиться для внимания толпы.

Безвременье: есть всё, что суждено.
Призыв луча обманно-бесконечен,
Но свет в душе не нарушает вечность,
Доступную лишь стихотворной речи,
Струящейся в открытое окно.

Был сон насыщен переездом в лето

Был сон насыщен переездом в лето
И поиском зовущего меня
Влюблённого, писавшего сонеты
Счастливого сверкающего дня.
Там было солнце, чемодан и море,
Огромные качели среди дюн.
И саксофон волне несущей вторил
И возвращал нас в дарственный июнь.

А где-то вдалеке терялся почерк
Знакомых по соблазнам облаков,
И ящик с незнакомым словом «Почта»
Щенком слонялся возле мокрых ног.
И только чемодан, влекомый данью,
Тащил по кругу (чем не циферблат?!)
Одежду для грядущих оправданий:
Мол, не успели. Кто же виноват...

И поворот, где наступает город,
Поддерживая сводом облака, —
Сдавался в плен привычных траекторий
И вторил саксофону: всем пока...
Обычный плен земных перемещений,
Где результат — отсутствие побед
И вера в отпуск новых обольщений...
И вновь туда, где нас с тобою нет, —

Всего лишь сон...
и саксофон...
и море...

Море – начало начал и конец концов

Море – начало начал и конец концов.
Та тишина, где не надо особых слов.
Просто дыши отражением звёзд и неба.
А повезёт – попадайся опять на крючок
Счастью, словам, что знаешь наперечёт,
Парусу, что так доверчиво был нам передан.

Вот ты скользишь, оставляя иным берега,
Облокотясь на волну, на тёплый туман.
Вновь отражаясь чудом – движеньем вольным!
Море подкладывает тебе рапан.
Следом за ним волн небольшой караван.
Краб выступает на краешек камня сольно.

Птицы кричат суматошно. Клюют волну.
Всяк пропитанье время от времени ищет, –
Море... я галька, лежащая на его берегу,
Очередная кругляшка, которых тыщи...

Просишься снова ему рассказать стихи.
И забываешь.

О берег скребётся днище.

К морю иду, чтоб услышать свои стихи

*К морю иду, чтоб услышать свои стихи
Там, где оно пропадает в закатных кронах.*

Если не тратить время на пустыки,
То, оттолкнувшись от заводей тесной реки, —
Когда-никогда, но однажды пробьёшься к морю.
Даже не видя раньше его, ты поймёшь:
Всё, что до этого было, всего лишь ложь, —
Только оно насыщает бокалы и души историй.

Так, проходя по весенним своим кругам,
Вдруг ты однажды припомнишь себя по утрам
(Мимо: снегов недотрогость и леность сугробов!)
Морем!.. Подспудно стремящимся к берегам...
Непредсказуемость звёзд... кораллы, рапан...
Морем побед, где пробелы, ошибки, и шквалы, и пробы.

Время магнолий, ночных виноградных лоз
Вдруг протянулось к нам морем слёз.
Вот и прими. Прижмись к нему тесно. Слушай.
Время пульсирует, но не сдаёт свой пост.
И за волной поднимается звёздный мост.
И оставляет следы на песчаной суше...

Что ищу я у вас

Что ищу я у вас, тех, кто также облюблен стихами?
Ту особую стать нашей речи в обмен на любовь.
То волнение в крови, что готово упасть лепестками.
Не у всех ли ромашки на счастье, признание и кров?
Что ищу среди вас, — не свои ли какие потери?
Что-то стал ускользать неторопкий, но видимый свет.
Рифмы кончились и... облетают по новой метели,
Но не зим-февралей, а исконно дарованных лет.
И душа так вольна
 только здесь: на ответных страницах.
И горда, что, услышав ваш родственный гул голосов,
Вдруг опять (не смешно ли?)
 какой-то придуманной птицей
Рвётся снова взлететь за короткою строчкой стихов.

Не думать... не искать знакомых черт

Не думать... не искать знакомых черт...
В пылу разборок, обронивши имя,
Вдруг замирать и понимать (зачем?),
Что и любовь порой проходит мимо...
Не ты, не я... соцветию зеркал
Не отразить пытавшиеся наспех
Унять любовь живые голоса,
Теперь уже забытые в ненастьях.
Откуда-то, начавшись по низам,
Сковав наш шаг, дойдут до пуповины
И оборвут – так покачнёт вокзал,
На звук шагов пружиня гулко спину.
Вздымают тени первобытный страх
Бессилия пред грудой одиночеств.
И звёздами напрасно кровоточит
Рассветная земная бирюза.
Не думать – как взойти на эшафот.
И, поклоняясь новому сюжету,
Собрать стихов рассыпанную горсть
И бросить вниз и позабыть об этом...

На свет нельзя – ОН СЛИШКОМ МНОГО ЗНАЕТ

На свет нельзя – он слишком много знает
И может показать совсем не то:
Как молодость поспешно убегает,
Схватив чужое впопыхах пальто.

Всё вроде так, как было – есть и будет:
Глаза и лоб... Условие – дано...
Но вот морщины...

Или это судеб
Простёганное жизнью полотно

Дорог и троп, путей неисправимых.
О, зеркало, меня останови!
Нельзя касаться так моих любимых:
Как молоды! Как счастливы они!

Как я цвету в любовном озаренье.
Лучом стиха пронизана насквозь...
Вечерний свет пробрался на колени
Моим котом. Потусторонний гость

Мурлычет, завораживая прошлым:
В заманчивости будущего дня
Мне возвращает молодость... Возможность
Быть там и здесь.

Храни, мой Бог, меня

Для них –
моих любимых –
осторожно.

Моей постели нравится быть неубранной

Моей постели нравится быть неубранной.
Представляете, захожу в спальню,
А она, как молодая девушка,
Разметалась чуть не по всей комнате.

Солнечные зайчики скачут по подушкам,
заигрывая друг с другом.
Из-под одной выглядывает (спрятался, называется!)
Уголок книги, — опять ночью читала, негодница.
А на подоконнике — вот уж где ему совсем не место —
Прижался к самому стеклу ещё один выпендрёжник:
рукав пижамы.
Неужели кто-то хочет переманить его?

...Чуть пошевелилась — и упал на пол со стула
Маленький медвежонок Фёдора:
И того приворожила.

И попробуй только сказать, что всё это неправда, —
Вся постель в ярких многоточиях тюльпанов:
Дышат.
Живут.
Любят.

Неужели это я — такая распустёха!
Гляжусь в зеркало... там... далёко...

Итак, что хорошего в нашем с тобой королевстве

итак что хорошего в нашем с тобой королевстве
крепкие стены подвержены буре дыханья
верные слуги кто знает их истину-сущность
лёгкие змеи что в небо с тобой запускали
клады без счёта о них мы забыли мгновенно
что же хорошего в нашем с тобой королевстве

веточки цветущего жасмина тянутся в счастливые окошки
в новый год их снег напоминает
а весной предчувствие любви
летом невозможность
столько счастья в белых мотыльках летящих к свету
осенью уверенность мы вместе

Вот такое наше королевство о котором знаем только мы

Если и будет где-то апрель с зацелованными глазами

если и будет где-то апрель с зацелованными глазами

я цепляюсь за протянутую ветром руку
сбегаю с пригорка прямо в большие сосны
там где хвоя скользит и воздух настоящий счастьем
ложится в мои ладони лёгким колечком света
перебираю тени от распускающихся веток
от немых обещаний посланных как возможность

где весна начинает лето продолжает июли осень
маятник нетерпеливо-беспечен
а иначе могла бы сбиться и уйти никому не доставшись

встреча любящих
две створки раковины
выращивающие жемчуг

Как живёт весна, пережившая зиму

Как живёт весна, пережившая зиму?

У неё отмирают ветки. Только те, что слишком застыли,

Чтобы помнить апрельское солнце,

свечи примул на вешних пригорках.

Остальные, сначала натужась, а потом всё легче-быстрее,

Вспоминают себя молодыми (это было всего недавно!)

И тарашат свои бутоны, предназначенные цветенью...

И тогда возвращается время – время зёрен, семян, посулов –

И ложится тебе в ладони обязательно тёплым ветром.

Обязательно добрым светом и, конечно, самой весною:

Той, что помнит тебя счастливым.

Обязательно самым счастливым!..

И сегодня, в этом апреле! Потому, что любовь не уходит.

Никуда никогда не уходит... А иначе зачем всё это:

Наша память и наши ладони...

И стихи, на которых росчерк самой спелой лесной малины.

Мне добела не выскоблить полы

Мне добела не выскоблить полы:
Утерян навык чистоты пространства.

Все окружающие нас пороги –
Нагроможденье поросли привычек
Себя запрятать, скрыть и обезличить.

Лишь памяти дано вдруг оживить
Дощатый пол, покрытый только солнцем.
Окно, в котором рамы – только повод
Сильнее оттолкнуться и лететь
Туда, где из одежды только небо.
И щедрость лета без обозначений
Пристанищ, остановок и пустот.

За ниточку притянутое время
Неощутимо-тонко, бесконечно
Лишает притяжения земного.
И что нам уходящее крыльцо...
И космоса сжимается кольцо
В бутон неповторимого расцвета,

Что дарит нам украдчивая Лета.

Обрекали, шутя, на слово

Обрекали, шутя, на слово
Руки, отяжелевшие от ласки,
Волосы, сбегаящие мгновенно,
Губы...

 В ожидании восходов,
Ведь это именно они лгали:
Я люблю тебя!

Мы подносим ладони
С несуществующим счастьем к лицу,
Жадными – именно такими! – губами
Ищем прохлады и успокоения:
Истончившийся аромат
Некогда существовавшего мира.

Ни за что на свете

ни за что на свете
ни за какие коврижки
я не могла с ним расстаться
и тогда мои маленькие
ещё не обременённые жизнью ладони
приняли на себя эту заботу
и превратились в рапаны

и море спокойно уместилось в них
взяв с собой только одно это мгновение
лето неизвестно какого года

а мои ладони что с ними стало
целый пуд соли хлещущий мокрый парус
медузы крабы стущённые тени рыб
сделали их несговорчивыми
на сиюминутные провокации

они оживали только тогда
когда сердце выбивалось из груди
неутомимой плотью времени

они снова любили
теплели и раскрывались
огромные бутоны счастья
я люблю тебя море

Бабье лето

В длиннополой рубашке
Одна по сквозящему дому
Скользит меж тенями.

Но солнце так нестерпимо,
Что невольно касается лета
Обожавшая дикую волю

Тех июльских, таких нескончаемых радуг,
Что так часто роднились с ней тайной музыки кой,
Несущей одно только имя.

Прислонясь к косяку
Поневоле трепещущим телом,
Вспоминает прощанье:

Отпевание крыльев...
Руки на стиснутой шали...
Что ещё никогда не была такой безутешной.
И такой обнажённо-доступной

Каждому ветру...

Вот наступит весна

Вот наступит весна, отогреются зимние души.
И метели уйдут, на земле не оставив следа.
Травы спешно взойдут, чтоб далось наконец-то подслушать
Нарастание жизни сквозь таянье снега и льда.
Неуёмное празднество жизни в бессмертии льда.

Начинается время весенних заставок, и ближе
Стало небо, и ветер – не так уж назойлив и смел.
Там внизу далеко снегопады мостятся на крышах,
Словно метки рассыпав на спины их тающий мел.
До дождей ещё долго, пускай покрасуется мел.

Скоро будут капли частить, как всегда, с перебором,
Разольётся по небу весенних просторов эмаль.
И на школьной площадке с умытым дождями забором
Зацветут тополя, удивляясь, что знали февраль.
Никому не поверив, что только что отбыл – февраль.

Там, где вербы цветут и лимонниц парят междометья,
Где в кустах перекличка уверенных в нас воробьёв,
Вдруг начнётся весна и раскинет воздушные сети
Голубых, небесами опущенных к людям цветов –
Никогда не оставленных нашей надеждой цветов.

И слабы и малы... что за выбор Господнего дара, –
Нет чтоб сразу охапкой, а тут – по былинке одной.
Но как нежно оно и как зримо настигшей весной –
Проявление любви, к нам слетевшее с неба недаром...
Привыкание к вёснам, что рядом гуляют со мной...

Распускается неба цветок

Распускается неба цветок...

Я вдохну ароматы дождя.

Начинается утро, а с ним все дела и заботы.

Но позволь не спешить: никуда не отпустит земля,
А посмотришь наверх — там одни небеса с позолотой.

Опрометчиво ищешь на всё запоздалый ответ

И, надеясь на встречи, готовишь опять обещанья:

Никогда никуда от распахнутых счастьем небес!

Никогда... никуда... позабытые тут же признанья.

Я поверю в наш лучший из самых последних миров:

Удивлённо слежу, как на этой странице последней

Начинается время оставленных кем-то стихов

Паутинкой просроченной, раньше казавшейся летней.

И опять небеса, обращённые в дальнюю даль.

Я вдохну аромат — и надену счастливое платье.

И опять синева — бесконечная роскошь объятий —

Вновь начнёт от весны так запомнивший нас календарь.

Маленький ангел – детство моих тревог

Маленький ангел – детство моих тревог –
Вновь появляется там, где не ждут весны.
Где неразумность рвёт череду дорог,
Где безнадёга сводит на нет кресты:

Позже цветём... вырастаем не там... нигде...
В небо не смотрим, боясь утолить печаль...
Маленький ангел, а ты бы чего хотел,
Всё это видя как будто бы невзначай?

Чья паутинка века отметит сбой?
С жизнью, что прячет счастье, – не совладать.
Маленький ангел будто спешит домой,
Помнит: учили любить, а потом – летать.

Маленький ангел спускается к деревням,
Не уберёгшим рубцовских полей звезду...
Маленький ангел каждому сыплет в карман
Зёрна надежд и – начинает весну.

...

Наши страницы сбились, прося на хлеб...
Там, где мосты разведены судьбой,
Ждёт посреди бескрайности наших неб
Маленький ангел с озявшей без нас звездой.

Небу присуще вверх поднимать птенца

Небу присуще вверх поднимать птенца.
Нам — оживать в легкокрылом звучанье труб,
Чтобы могли приманивать паруса
Жадным движеньем счастливых влюблённых губ.

Свет, исходящий с неба от синих птиц,
Тень восхожденья цветущих в раю садов —
Всё оживает в книге пустых страниц,
Там, где любое имя — одно из слов.

Что остаётся нашей земле? Трава,
Та, что, как солнце, рвёт по швам синеву,
Чтобы проклюнулись почки и все слова, —
Чтобы и нам с тобою застать весну.

Снова теснятся всполохом наши дни.
Время бежит от меня торопясь, стремглав.
Это весна — промежуток от нас до любви.
Это любовь, что касается вечных нас.

До метро без сапог не дойти

До метро без сапог не дойти, значит, туфли в пакет.
На Кузнецком заменим мосту и пройдемся весной
До Большого пешком. Там посмотрим сегодня балет.
А домой не вернусь: мама знает, что я — с тобой.

По Неглинке к Цветному. У Цирка приблизим лицо.
И узнаем друг друга как будто бы в первый раз.
И дворами на выход Садовое манит кольцо,
Припасённое кем-то сегодня только для нас.

А потом на четвёртом высоком твоём этаже.
Все стихи в традесканциях, как бы там ни было поздно.
Притулившийся стол. И гортань обольщающий воздух,
Отражённый в бокалах бликующих рядом манжет.

Все рубашки твои перепутаны с чьим-то моим.
Но проходит весна. Оседает сиреневый дым.
Мы ещё так близки: ни надежды не надо, ни вер.
Обойдёмся: крепка наша дверь, наша дверь.

...Твоя дверь.

Это сколько ж годов надо было всё это терпеть.
Всю любовь-нелюбовь. Вновь любовь, уходящую в смерть...

Эти туфли в пакете и первый весенний балет
До сих пор излучают неясный, недремлющий свет.

Все деревья к весне накупили для почек помады

Все деревья к весне закупили для почек помады —
Вон какой одуряющий, пахнувший солнышком блеск!
Дай неделе пройти, и сбежишь от его канонады:
Станут почки взрываться, и дымкой прикроется лес.
И вот с этой весенней дырявчатой праздничной шалью
Снова к горлу подступит — проступит — любовная песнь.
И дыханье замрёт, и отступят иные скрижали, —
Всё, что видишь вокруг, под названием родина, — есть!
И тебе ли болеть от нехватки владений и песен,
И тебе ль огорчаться, что можно бы было не так...
Видишь, снова весна на Свободе, на Трубной, на Пресне —
Значит, есть чем нам жить, даже если не очень всё так...

Первый дождь за окном

Первый дождь за окном.
Еле виден и матово-скупчен.
В этой новой весне
Начиная свой первый забег,
Сбился с темпа, затих.
Вновь пробился капелью колючей
По стеклу, за которым
Не видно ни капель, ни рек.

Он ещё не просёк
Вариаций побед и свершений.
Ни мальчишечьих игр —
Пузыри на бескрайности луж.
Он ещё не привык
Начинать свой пробег с оболщений
Обезвоженных стужей
И жаждой томящихся душ.

Подожди: наиграешься
Вдоволь зонтами и крышами.
От избытка любви
Все леса ты не раз обойдёшь.
На крыльцо к нам придёшь.
Постучишься ладошкой:
— Слышите?
Это я, долгожданный

Счастливый весенний ваш дождь!

Вдруг небо поднялось и отпустило крыши

Вдруг небо поднялось и отпустило крыши.
И по земле пошла такая акварель,
Что хочешь или нет, но кисть возьмёшь и спишешь
Вот этот лучший день меж пасмурных недель.

Проталины зимы и дальние пролески,
Где чёрный цвет один — воспрявшая земля.
Тяжёлых почек блеск, лучом взлетевший резко,
Окажется у ног, ручьями зазвения.

Не вынесет душа всё рисовать подробно.
Поэтому пускай оставит навсегда
Вот этот день любви в дождём омытых стёклах...
Вот этот небосвод в открытых настежь окнах...
Вот этот весь мой мир, где так любима я.

Руки в цыпках, ноги босы

Руки в цыпках, ноги босы,
Воздух звонок, точно птица.
Из земли подснежник рвётся.
Хочет небом насладиться.
Приманить хоть ненадолго.
Самому остаться рядом.
Снег тихонько отступает
Покрывалом неопрятным.
На пригорке постижение
Новых тайн земли растущей.
Необузданность движенья
Нам невидимых грядущих:
То ль травинки-муравьишки,
Паутинки со звездой.
...Чехарда понятий зимних
С кроткой зеленью весною.

Точек соприкосновения – ни одной

точек соприкосновения – ни одной
что могло бы коснуться уже исчезло
вроде апрель но опять завернуло зимой
прятать следы по надгробьям земли бесполезно
вновь наслежу бесприютностью и суетой
там где займётся навстречу летящее слово
вновь в переулках горбатится день городской
и раздаёт за бесплатно желавшим оковы
мне бы пораниться о безвозмездность твою
может тогда и выиграла в душе б невозможность
тайна родства отголосок прощанья – люблю

как на проталинах верится в счастье безбожно

Легко-легко, – ведь так бывает летом

Легко-легко, – ведь так бывает летом,
Оставишь за порогом суету,
Закажешь два, естественно, билета.
Куда? Не важно, лишь бы по нутру
Вот этот день – свобода без причастий
И, главное, почти без багажа.
Лишь гул летящий, радостный в запястьях,
Пожалуй, что немножечко мешал.
Сбивался ритм, и убавлялось прыти,
Но всё равно цветущее окно
Манило непредвзятостью событий,
Хотя и предугаданных давно.

Моя ты жизнь! Пожалуй, что подруга,
И вот о чём сейчас ни говори,
Я выношу за обречённость круга
Мои апрели, май... сентябри.
И лето: безразмерность обещаний
С открытостью и щедростью толпы.
И наши бесконечные свиданья.
И бесконечность выбранной тропы.

Третья молодость – хочется цвета

Третья молодость – хочется цвета!
Не волнуют зимы закрома.
Беспричинное вечное лето
Незатейливо сводит с ума.

Всё сместилось: и солнца, и снега
Белизна с отцветавших ветвей.
И полночная смуглая нега
На крахмальном костре простыней.

Как денди, прославляющий весну

Как денди, прославляющий весну,
Иду, своею тросточкой играя,
И – сладкое предчувствие всех лет,
Что сбудутся, когда дойду до края.

Я пропускаю полдник, – то ли дело
Весёлый полдень: на макушке лето,
А из-под шляпы нежно и лукаво
Все отпуска, все праздники лентяев,
Где так обманчиво-смешны-строптивы
Желанья жизни: праздновать, любить!
И фильмы... о таких знакомых денди:
На мне одежда – принадлежность пола –
Достаточно волнующая юбка
Почти до лёгких тающих сандалий.
Выносит на Приморский нас бульвар:
Среди таких же зимних отщепенцев –
Гроздь винограда, прятанная солнцем...

Ещё я не сроднилась с этой тростью
И, опираясь на неё как память,
Иду неспешно сквозь слепой февраль.

О, дивная помощница моя,
Не дай упасть, к надежде причастившись, –
Крещенские морозы впереди...

Латышские силуэты

1. Звуки

Мы придумали себе начало:
Дозорные башни, узор черепицы,
Улочки длиною в три дома,
Флюгера, прохладные камни.

Всё так и случилось:
Дома как старшие братья,
По крышам коты ходили,
Улочки не кончались —
Шли себе в беспредельность.
Только книги были иными,
И слова в них звучали иначе.
И напиток из этих звуков
Был пьянящ и волшебнo-розов,
Как душистый горошек.

2. Камни

Земля рождала камни,
И, как каждое дитя, они были прекрасны,
Заботливо выложенные в форме мостовых,
Площадей, фонтанов,
Домов, похожих на старушек в чепцах,
Театров, скульптур, —
Детские лица,
Странствующие в поисках самих себя.

Ах, сёстры-пёстры

Ах, сёстры-пёстры, имя всем вам — лето,
А остальное просто ерунда.

Вглядись получше: солнцем обогрета,
Так жизнь на даче царственно-проста.
Над шляпкой небо, под ногами доски
Ещё не отступившего крыльца.

На табуретке кот смешной в полоску
По спинке и до самого хвоста.

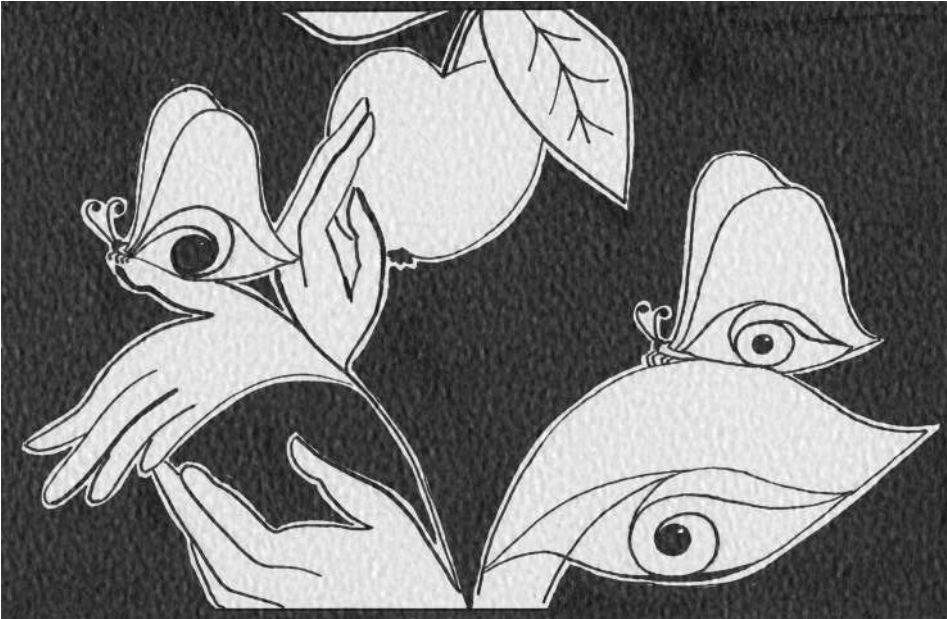
И призрачность звучащих междометий, —
Лимонница, родившаяся знать,
Что если что и есть на этом свете,
Так только лето: мир и благодать.
Так только лето: мир и благодать.
Сверкает августовской позолотой,
Июньскою прохладою любим, —
Как щедр ваш мир!

И как необходим
Июльской беспечностью полёта.

Ах, летние счастливые приметы,
Летающих звёзд сегодня не унять, —
К ним, сговорясь, пойдёт по парапету
Дорожки лунной кот ваш мышковать.
...Ах, сёстры-пёстры, вас ли позабудешь, —
Какие б ни случились времена,

Есть только лето: наши с вами души
С рецептами домашнего вина.

Надеюсь, это долго будет свято:
Квадрат окна, цветочный дух лугов
И девушки, здесь жившие когда-то
На перепутье яви наших снов.

Господь не потакает нашей лени

Господь не потакает нашей лени...

Открою дверь, там бесконечность лета,
Заворожённость незнакомых лиц,
Машин течение, таинство приветов
И приземлённость наших зимних птиц.

Там клён стоит — невыдуманный, прочно
Держащий землю на своих корнях.
Там день цветёт размашисто и сочно.
Там детский смех, и солнцем весь пропах
Любой кусочек зелени. И неба
Высокая пронзительная статья
Так манит ввысь, что каждый новый стебель
Готов взлететь: взорваться и пропасть!

Ленюсь, не соблюдая осторожность, —
Всё время терпит, кроме одного:
Пустот и промежутков долгих после
Беспамятства, не зная своего
Предела (или позволения свыше), —
Что я могу? Лишь этот данный день
Держать в ладонях, чувствовать, как дышит,
И отступить, несведущая, в тень.

Господь не потакает — понимает,
Что кроме всех наиважнейших дел
Мне надо знать, что клёны — расцветают..
Птенцы запели...

Ангел пролетел.

3. Только летом она отпускала тебя

Только летом она отпускала тебя,
Словно наглухо отгораживаясь и в то же время
Мгновенно изменяя тебе

с первым попавшимся живописцем.

И ты – никчёмный, не нужный своей любви –
Опустошённо оглядывался по сторонам
И не мог понять, как ты оказался здесь:
Среди алчных настурций,
Окон, до слепоты задрапированных июлем.
Как на холсте оказались тропинки,
Даже не предполагающие

о наличии в мире авто и трамваев.

И, глядя невидящими глазами брошенного немого,
Ты невольно молился:

– Господи, не отнимай этого блаженства...

И представлял, как у тебя на глазах расцветает осень.
Как заманчиво и тепло будет в этой кафешке на углу,
Куда ты зайдёшь перекинуться

парой слов и останешься навсегда:

Маленький столик,

за которым так удобно признаваться в любви, –

Столик Эжена.

4. И тогда ты пускался во все тяжкие

И тогда ты пускался во все тяжкие:

Мосты-бульвары, рынки,

полные несбывшихся обещаний.

«Посмотри, — я могу без тебя...» — радовался ты.

Тебя обольщали продавщицы цветов,

Аплодисменты шагов, настигавшие на каждом повороте.

Новогодние огни, сдающиеся тебе на милость.

Эти бесконечные площади и бульвары,

Забирающие твой разум и возносившие душу,

Время, окольцованное размером твоего подрамника...

Толпы людей, звучащие увертюрой.

Заворожённый, ты бросался

навстречу причалам и набережным.

Утомлённый жаждой,

приникал к подножиям и куполам соборов.

И вот наконец-то ощущал первые лёгкие шаги осени:

Неслышно падающий лист,

догоняющий твои желания дождь.

И тогда ты спешил к своей звезде.

«Так вот ты какая стала!» — радовался ты

И торопливо ставил мольберт.

Мне идут голубые тона

Мне идут голубые тона.
В них просторно, как небу и морю,
В них, цветущих, живут облака
Всех соцветий, что сбудутся вскоре.
В них, весенних, судьба и простор,
Окаймлённые радугой птицы, —
Это время ночами мне снится,
И купается в вечности взор.

СОПРИЧАСТНОСТЬ

Дай небу заглянуть в твоё зеркало¹

*Дай небу заглянуть в твоё зеркало,
И тогда, может быть, ты увидишь себя.*

Поскучай да наземь брось, — и тебе покажет небо
Скарб, что собран на авось, фонаря скупой молебен
По живущим на износ: оставляющим лишь пепел.

Но сквозь перечень заслуг обнаруженных пристрастий
Птица выпадет на счастье... И, совсем как старый друг,
Вдруг фрегат окликнет:
— Здравствуй!!!

Сквозь насилие и гнёт тяготеющей оправы
Скучен вечер, редок взлёт, оскудели переправы.
Но ночной остынет свет, и кулик взлетит с болота...

— Свет мой, зеркальце...

В ответ:

— Мир прекрасен...

что ты... что ты...

¹ По картине Ивена Лю «Жизнь — театр».

Когда двери раскроются

Когда двери раскроются и запахом леса повеет,
я, может быть, разберусь,
что осталось во мне от меня.

Пабло Неруда

Когда двери раскроются, запахом леса повеет,
И непройденность лет, словно сосны, взойдёт к небесам.
Где прогретые солнцем ко мне обратятся деревья,
Я оставляю порог и на эти пойду голоса.
Будет ствол их шершав, под ногою хвоя мягкотела,
Присмотрюсь к роднику и почувствую лёгкую грусть.
Я малинник пройду там, где птица нередко мне пела,
Где качнётся тропа, оставляя нетронутым куст.

Будет время со мной продлеваться неспешно и длинно, —
На родное смотреть будет осень, светла и легка,
Долго-долго: как света ложится на руки косинка,
Как мне кто-то кричит и зовёт, чтоб поймать мотылька.
И закончится день до сих пор не смолкающим бродом,
Но уже не спугнуть стаи меевок и пескарей:
Так летят облака, проходя над землёй мимоходом,
Не сдержав за душой ни прирученных птиц, ни камней.

Что осталось во мне от того, что я, верно, не стою, —
Только эта пора густолиственных ладящих дней,
Где весь мир как сейчас: лишь дотронешься тёплой рукою, —
И не надо жалеть улетевших к зиме сентябррей.
Когда двери раскроются, запахом леса повеет.
Будет дух смоляной, как прозрачный дымок от костра,
Где мы рядом с тобой (потерявшие пару деревья)
Колыбелим ветра разделившего время моста...

На картине подсолнухи¹

На картине подсолнухи – магия творчества света.
Всё доступно: на выбор оранжевый и золотой,
А за ними земля, где царит беспричинное лето,
Парашют над которым стремительный и голубой.

Отнеси меня, лето, туда, где дороги не сжаты
Пешеходною лентой, а воздух до одури жгуч.
Подари миражи: там и нынче свободно и свято
Над лесами взлетает качелей сверкающий луч.

Там мы делимся днями, которым не надо названий,
Там счастливое время само к нам идёт на постой.
Там себя узнаём за притихшими рядом словами –
Две счастливые птицы, домой возвратившись весной...

И в предчувствии мира, который подступит вплотную,
Только чуть пообсохнешь, поскольку попала под дождь,
Достаёшь карандаш, намечаешь дорогу – рисуешь
Ускользавший мираж: ты ко мне – как и раньше – идёшь.

¹ По картине Винсента Ван Гога «Ваза с пятнадцатью подсолнухами».

Ну, кто куда, а я за синей птицей¹

Ну, кто куда, а я за синей птицей.
Сопутствует погода: не дурна.
Мой друг читает,
Пёс следит страницы, —
Ну вот и унеслись от воронья.
Брусчатка под колёсами, как ноты:
То выпукла, а то совсем нежна.
Ревёт мотор, принявшись за работу,
И отстают фонарь и облака.
Смирился город: проводил, не плача.
Душа поёт и верит — Метерлинк
Уже припрятал для меня удачу,
Да я, как видишь, вовсе не один.
Дай каждому отличное от прочих,
А пёс не говорит, — как угадать?
Лишь на луну подлаивает ночью, —
Он тоже, как и я, ленится спать.
А другу — чтобы книги не кончались,
Стихи иль проза, в общем, всё равно, —
Лишь только б под дверями не кричали,
Лишь только бы ногами не стучали:
Ни воронья не любит, ни враньё.

А у меня по плану бесконечность,
Чтоб если остановят — только влёт...
Царит дорога, за которой вечность,
Где никогда никто из нас не врёт.

¹ По мотивам произведения Макса Фрая «Амобилер».

Навстречу птицы всех цветов и радуг,
А та, что рядом, видишь ли, моя!
Летит вперёд и отражает радость
Огромного, как небо, бытия.

Цвети, земля, лети, моя дорога,
Читай, мой друг, а ты — виляй хвостом,
Подлаивай тихонько понемногу
За просто так...

нигде и ни о ком...

Ты гораздо прекрасней¹

Ты гораздо прекрасней, чем эта тётка, которой двадцать.

Помнишь, как нам хотелось всё время смеяться?

Я тебя долго помнил, умолял:

– Не упади, раскайся

В том, что ты любишь небо,

помнишь себя лишь птицей... –

Лотрек перепутал лица: нарисовал другую –

Деву с потухшей кожей, наобещавшую свету

Всё, что она не сможет.

Трогая воздух гулкий, словно вступая в воду,

Ты отрицала лонжу... И совсем непохоже

Смотрелась в меня, надеясь

Встретить свои тринадцать...

Как ты тогда говорила?

«Падать я не боюсь, –

Если и оборвусь,

Стану цветной заплаткой

Самого нужного цвета...»

Я не забыл об этом:

Вот они – эти розы...

¹ По мотивам картины Анри де Тулуз-Лотрека «Канатная плясунья».

Отпускала тебя, дарила

- Я подарю тебя, пока не знаю кому.
- Думаешь, я понравлюсь? – спрашивает она.
- Я тебя подарю, – твержу я.
- И не надейся — некому тебе будет подарить птицу.

Александра Писарник

Отпускала тебя, дарила: знала, жизнь на земле – не мёд.
Если что и менять на крылья – не дорогу, что мимо прёт.
Так зачем же ты здесь, дурашка,

где ни снега зимой, ни льда?

Правда, где-то во сне ромашки, полотенчико изо льна.
Правда, мне с тобой поспокойней, только я-то тебе зачем:
В зиму вросшая колокольня

под присмотром седых грачей...

Было б дело, а так оскома, – что бывшее-то ворошить.
Раньше птица была бедова, разменялась – одни гроши:
Всё за так – за моментну ласку, за остаточек – синеву...
Не присмотрит никто напрасно: нет, которым тебя дарю.
Так и будем под небом сизым

слушать ветра подспудный звон:

Птица в клетке – с просроченной визой
Да зима... с четырёх сторон.

Она уже пустила корни в землю¹

...Она уже пустила корни в землю:
Ей, так любимой, слышать про того,
Кто обернулся?.. Удивлённо «Кто?»² —
Она спросила, не цена ответа.
«Своею переполнена кончиной»,
В молчанье через луг пошла сквозь Лету, —
«Шла неуверенно, неторопливо».
...В себе замкнулась этой новой смертью, —
И саваном случилась ей дорога.

«Её ты сотворил, не разбудив...» —
Слова, однажды явленные Богом.

Но Ты, перерастая сам себя,
Звучал так неподдельно каждой нотой,
Что в небе, отзываясь позолотой,
Воздвигся храм, ликуя и любя.

...«Что голос горло рвёт» — не в том беда:
На то и песнь — рождаться своевольно.
А нам как быть? По всей земле страда:

Живые, в переживших перейдя,
Страданья ищем, радость обрекая
На суету от края и до края
Безмерности людского... бытия...

¹ По мотивам произведения Райнера Марии Рильке «Орфей. Эвридика. Гермес».

² В кавычках приводятся цитаты из произведения Райнера Марии Рильке «Орфей. Эвридика. Гермес».

Чаще всего звёзды

Как хорошо, что нам не приходится убивать звёзды.

Эрнест Хемингуэй. Старик и море

Чаще всего звёзды застревали
в прорехах его сознания в виде рыб.
В зависимости от того, как Старик прищуривал глаза,
Насколько плотно смыкал ресницы,
Эти рыбы меняли свой облик.
Даже их отношение к подсматривающему могло меняться.
— Ну и фартовый же ты, мужик, — слышалось ему.
И он остро ощущал тяжесть сети, втаскиваемой в лодку.

Иногда ему удавалось, подсмотрев сны,
Заснуть тихо и беспечально.
Но его мозг всегда был настороже:
И тогда Старик непроизвольно подносил руки к лицу,
Чтобы осязать, чувствовать запах, въевшийся в его ладони.

Не меньше тысячелетия они впитывали в себя
Эту смесь смолы и грубой верёвки,
Вылощенных солнцем и солёной водой вёсел,
Запах пота от высыхающей у огня робы.
А когда его грудь вздымалась слишком высоко,
Он остро ощущал предательство своего тела,
И тогда его губы снова шептали: «La mar».

И это могло обозначать всё что угодно
И в то же время всегда быть только Морем. Только им...
Чьё присутствие выдавал любой шорох.
Скрип песка под сапогами.
Мальчик, ощущаемый исходящим от него теплом.
Настоянный на запахе морских водорослей воздух.

Ветер Лорки

1. Ветер листву полощет

Ветер листву полощет,
Нити ветвей качая.
Где-то за дальней рощей
Свет золотых печалей,
Забранный в паутинки...
И невозможно вспомнить,
Было ли наше лето.

Слишком уж сыто время
Поздним ночным туманом:
Если что и осталось,
Бархатцы, да и только.

Старый колодец крепок, —
Вновь нас перезимует
И на пороге лета
Вскроется новой жаждой.
Той, что таит в глубинах
Звёзды.
Всего лишь звёзды.

Проще подставить губы
Вслед ускользавшей воле
И прошептать неслышно:
— Осень.
Всего лишь осень.

2. Посередине мира

Посередине мира
Едет навстречу путник.
Время его бесценно,
Тайны его – прозрачны.

Стелется ветер низко,
Пробуя прочность следа,
И завершает роща
Время его плодами...

Посередине полдня,
Там, где созрела осень,
Всадник навстречу ветру
Едет неспешным шагом.

...

Ветры качают стайку
Птиц на тонких перилах.
Вслед на балкон выходит,
В город вступая, осень.

Весы¹

Фрагмент первый

Для человека, то и дело ускользающего из моей памяти,
сохранившей запах нафталина,
ты был слишком не похож на окружающих,
чтобы остаться незамеченным.

Твоё сотворение мира завораживало пластикой,
заставляло вспоминать о наличии пульса,
обрекало на глухоту ко всему,
кроме пробивающихся капелью созвучий...
Странным образом порождающих живопись.

Сотворение мира — дело весьма хлопотное,
требующее сосредоточения и душевного равновесия, —
иначе как разберёшь, что такое хорошо и что такое плохо...
Но чем ярче нарастал день, тем плотнее окружала тебя тьма.

О, великое равноденствие, почему бы тебе не задержаться
и не укоротить эту маету сопоставления и сравнения!
Ты отправил весы в море в расчёте на их благоразумность,
но они тоже подставили тебя, внося смуту:
нетто... брутто... вес... масса... количество-качество, наконец.
И ты отказался от них. А заодно и от нас почему-то.

С тех пор весы больше не поддавались людям,
когда те пытались оценить свои чувства,
узнать сроки их хранения и гарантии,
потребовать чек на нечаянную радость...

¹ По мотивам картины Микалоюса Чюрлёниса из серии «Знаки зодиака».

Ты исчезал, оставляя после себя
неудовлетворённость морских просторов,
ощущение безмерности нашего сотворения,
где всё оставалось по-прежнему:
талоны на получение прожиточного минимума,
гирьки весов с перебитыми цифрами,
бумажные кулёчки стограммовых конфет.

Единственное, что всегда оставалось на своём месте, —
это аккуратно выстриженная маникюрными ножницами
из библиотечной книги
твоя «Дружба» на моём письменном столе...

Фрагмент второй

Из всего алфавита влекущих событий
достаточно только двух знаков, определяющих всё:
первый — появление, отрицание пустоты,
искушение тайной...

И последний — спираль замкнутости пространства,
имени, источника взаимодействия.

В промежутке — побег, длящийся бесконечно.

Диссонировали и оживали холсты
с проступающими на них нотными знаками.
Звуки густели и завораживали своей необъятностью,
когда ты опирался на отправную точку всего мироздания,
которое выронило тебя на этом перепутье,
а потом там же и потеряло:
тьма, наступившая и сгустившаяся печалью.

Море с покачивающимися весами над нашей бездной.
Поиски возникновения... промежуточность поиска?
Маятник, не дающий миру покоя: да-нет, от... до.

Но куда бы тебя ни заносило,
всё равно всё начиналось, начинается и будет начинаться
только отсюда: с пресловутого, неисправимого первого знака
твоего возникновения —
твоего верного соучастника сотворения мира.

ДВОЙНОЙ КАТРЕН

Голос пламени так несмолкаем

Голос пламени так несмолкаем, —
Ах, как хочется, хочется жить!
И какая-то чёрная стая,
Словно скорая помощь, спешит.

Треск огня да золы дуновенье,
И от красного до черноты
Ненасытное странное жженье:
Болевое чутьё красоты.

Умерь мой пыл, осенняя листва!

Умерь мой пыл, осенняя листва!
Когда рука дрожит — не надо звука,
Когда болит душа — долой бумагу!
И снова на мерцающем песке
Проступят иероглифы надежды.

О, мать моя Надежда! Дуракам
Так сладок хлеб твой с горечью полыни,
Так лёгок крест всесильного добра...
И так прекрасен твой туманный образ.

Знак поэзии – чёрное поле

Знак поэзии – чёрное поле
Из-под снега: закончился март –
Вешний свет, выпускавший на волю
Тёплых птиц над созвездием карт.
Мощность, трепет, живительность влаги:
Хочешь, нет ли, – а дальше живи!

И безбрежность привычной бумаги,
Принимающей знаки твои.

Птичий голос тише, лес – прозрачней

Птичий голос тише, лес – прозрачней,
Паутинка жизни на виду.
Каждый след, что виден, однозначен:
Кто-то лишь прошёл, а я иду.

Ласков дождь, скрывающий утрату,
Даль светла за тающим стеклом.
Золото рассыпано по саду,
Серебро – струится за окном.

Возможно, это крест – вынашивать СТИХИ

Возможно, это крест – вынашивать стихи,
Над каждым замирать перед полётом:
Поэзия всего одной строки
Осуждена на точность недолёта.

Но есть судьбы вручённое стило,
И есть строкой натянутые жилы,
Гортань, что от такой любви свело...

Дай Бог, что так, – лишь потому и живы.

Уменье рифмовать – не есть СТИХИ

Уменье рифмовать – не есть стихи:
Хороший слог – не повод для поэзии.
Быть может, это плата за грехи:
Искать её, оттачивая лезвие
Всей жизнью...

И на грани ворожбы,
На перепутье тьмы и равновесия
Вдруг выдать на-гора созвездие
Удачи в основании судьбы.

Ночь скромна: ничего лишнего

Ночь скромна: ничего лишнего — только звёзды.
Далеко-далеко проносится времени поезд.
Звёздные лучи пересекаются, вспыхивая при встрече,
И тогда появляются строчки, вдохновляющие бесконечность.
И небо бездонно, и мир, бесполезно-наивен,
Подзывает опять нас: Анна... Белла... Марина...
Серёжа... Владимир... Осип...

Только звёзды на небе: уходящая в бездну осыпь.

Путь мой вымощен облаками

Путь мой вымощен облаками, но от этого вряд ли легче,
Оставаясь, земля за нами бережёт и слова, и вещи
Всех ушедших, о каждом зная, для чего ему вышло время.
Оживляя нас, ожидает неподкупные перемены.
Снова вербы на верность сменим, поддаваясь на тайну слога,
И окажется в нас Есенин, заступивший на место Блока.

Отчего-то я это знаю: путь мой вымощен облаками...
Просто снились под утро стаи, возвратившиеся за нами.

Попробуй утоли желанье жить

Попробуй утоли желанье жить,
Когда влечёт так день и свет неистов,
Когда зима рисует чистой кистью
Ещё не всем знакомый твой портрет.

Попробуй! Разве есть на то запрет:
Смеяться, ликовать без многоточий
И говорить в который раз в ответ
«Люблю тебя!» — тем счастье напророчив.

Какие на стекле цветут узоры!

Какие на стекле цветут узоры!
Как будто бы постель стелила мать,
Да отвлеклась, чуть спугала узоры,
И вот уже порядка не видать.

То белизной, то солнцем свет мой застит,
То новым счастьем манит за стекло...
И вяжется подзора зимний праздник
Опять проникновенно и легко.

Да, снег колюч и непроглядна тьма

Да, снег колюч и непроглядна тьма,
И путь мой непрменный стал короче.
Но так ли, нет ли, — это лишь зима
Своё неодобренье мне пророчит.
А через месяц вскинется рассвет,
И кружево взлетит над головою.

И перекроет дым от сигарет.
И перекрестит небо молодое.

Есть вольность некая в полёте зимних птиц

Есть вольность некая в полёте зимних птиц...
Как будто предвкушение полёта
Ещё не обожгло твоих ресниц.
А ты уже спешишь, не зная, что там
За снежной далью, за кромешной тьмой, —
То ль сумрачность оставленного грота,
То ль домик, отороченный резьбой.

Искрится солнцем вспененная корона,
И как бы нехотя парит над ней ворона.

Но детская душа, как колокольня

Но детская душа, как колокольня,
Ветрам доступна: в колокол тоски
Они ударят, призывая время,
Где солнце холодно — подчинено рассудку,
А счастье нежно... Так струится грудь
И озаряет жизнью мозг младенца,
Где мы надежда вечная, и только.
А край наш — бесконечная дорога,
Не знающая, что там впереди.

Да где оно, Господи, светлое время твоё

Да где оно, Господи, светлое время твоё?
Сейчас всё какое-то малое да неразумное.
То войны какие-то, то налетит бытие
(Как вороньё) и тебя всю по косточкам схрумкает.

А если сама для себя постараюсь, всё что-то не так.
Хлипки под ногой правосудья земного досточки.
Вот так и клонюсь каждый вечер тебе в поясной
И верую, верую, верую...
Крепко так верую, Господи.

К ночи притихли сквозные дворы

К ночи притихли сквозные дворы,
Их сквозняком протянуло и стужей.
Съёжившись, мёрзнут качели над лужей, —
Так непривычно им без детворы.

К ночи притихли... Но завтра с утра
Вскинутся искрами гроздья рябины.
И уж тогда разгорайтесь, ветра,
Словно костры на моих именинах!

Когда уйдёт земля, оставив небо

Когда уйдёт земля, оставив небо,
И звёзды, не касаясь облаков,
Замкнут летящим ожерельем небыль
Моих ещё не тронутых стихов,
Не оскудеет летоисчисленье:
Остынут дом и притаённость крыш.

Но так же будут припадать к коленям
Иных влюблённых —
Девочек моих.

Куда уж мне спешить за миром торопливым

Куда уж мне спешить за миром торопливым, —
И без меня гудят от страсти полюса,
И рушатся, стремглав, надёжные вершины,
Вспугнув по всей земле надежды голоса.
А там, где далеко и день уже не властен,
Пакуется в узлы всё то, чем я живу:
Чтоб легче был мой бег и вовсе не напрасен,
В кармане лишь дыра...

И лодка на плаву.

Я связку ключей положила на стол

Я связку ключей положила на стол, —
Искать не придётся:

Доподлинно знаю,
Есть в связке от бани, калитки, сарая
И, может быть, даже какой-то от рая.
Вот только не помню — забылось — какой.

Я связку ключей положила на стол:
Как только, так сразу..

И весь разговор.

ЛОВИ УХОДЯЩЕЕ ВРЕМЯ

А уходя, так трудно не сберечь

А уходя, так трудно не сберечь
Всё то, чего я ранее касалась.
Деревьев обрамляющую речь.
Прощающие ночи... и вокзалы:
Просторы, обнажающие грудь.
И вот уже – смотри! – спешит по венам
Река любви, чтоб обозначить путь,
Назначенный в великих переменах.

Оторванною пуговкой блеснёт
Широкий жест разорванной рубашки...
И самолётик маленький бумажный
В который раз отправится в полёт.

С годами свободней и легче душа

С годами свободней и легче душа
Живёт, обрамлѐнная вечною кроной
Всего, что любила.

 Чем было дышать
Ещё молодою листвою зелёной.
Плетёт бесконечно свои кружева
Достоинства, веры, любви и надежды.
И тихо-претихо слетают слова,
Слагая её неземные одежды.

А после уйдѐт, как и все, налегке, –
Неведомым облачком, тающим паром...
Лишь крона взметнѐтся шемящим пожаром,
Кленовым листом оказавшись в руке
Кого-то другого...

 Кто знает, о чём
Поведает бабочка, сев на плечо.

Привадишь бабочек, и вот уж тут как тут

Привадишь бабочек, и вот уж тут как тут
То золотисто-розовая с белым,
То махаон... падёт упрямым телом
На времени подставленную грудь, –
И будто бы протянутся мосты,
Следя загадку вечного полёта.
Вот лист летит, надломлен позолотой,
А бабочки – наивны и просты:
Вдоль ветра, от земли наискосок,
Хотя давно пора остепениться.
Но так светлы с их появленьем лица,
Как будто занимается восток,
Восходит утро вехою земной,
Где будет день заведомо любимым.

Где тайной тайн возникнет чьё-то имя,
И бабочки вернутся за тобой.

Снится в который раз мною не обжитый дом

Снится в который раз мною не обжитый дом.
Два у него крыльца, окна со всех сторон.
Со стороны реки падает вниз обрыв.
Со стороны дождя зреет иной мотив:
Там, где дарует высь строки и облака,
Следом бежит-спешит жизни моей река.
Резко, как лёт стрелы, мчатся над ней года,
А на ступенях свет, меркнувший иногда:
Кто-то заходит в дом, вот и рождает тень.
Я, проснувшись, потом солнце ищу весь день.
Вроде бы и светло: окна до потолка,
И облака спешат, словно идут века...
Два у него крыльца, окна со всех сторон,
Да не открыть лица тем, кто попал в тот дом.
Только жужжанье пчёл, взмахи шуршащих крыл.
Кто его знает, кто в нём, необжитом, жил.

Загорчило вино

Загорчило вино. Запросилось, что надо, мол, выпить.
Да одной не с руки. Я и так уж наделала дел:
Ночью внука взяла и слетала во сне... там, где Припять
Хоронила своих — тех, кто выбежать в жизнь не успел.
Радиация метит: кто лысый,
кто чёрный,
кто мёртвый, —

Собрались все сюда — в этот Митинский грустный придел...
Что творю я? Зачем? Только мальчик наш больно упёртый:
Всё б ему воевать, не считая снарядов и тел.

Вот и вышли туда, где цвела, обмирая, природа.
Были в тягость сады урожаем своим и поля.
Недоношенных, сырых к себе подбирала земля,
И свинцовой водой окропляла их наша погода.
Мы недолго там были. Вдруг вижу: мой мальчик исчез...
Облака под конвоем несли заражённую воду.
И река нашей жажды не вынесла этот довес
И снесла на пути все мельчайшие признаки брода!

...Терпким было вино в этот день золотой, но держись:
Пить, не пить или пить, — всё равно ничего не исправить.
Все мальчишки проходят рубеж, где кончается жизнь,
Да не всем по зубам наш контрольный пакет — наша память.

Только пусть не собьётся души полноправный прицел.
Только пусть всё по праву защиты земли,
оберега!

Вот и дно показалось.

Не дай Бог отстать нам от дел.
Хорошо бы успеть до последнего в мире ночлега.

Вы настигли меня на таможене разлук

Вы настигли меня на таможене разлук,
Где обычный досмотр — только малая плата
За провоз всех годов, пролетевших меж рук,
За мою невозвратность туда и обратно.

Этот ранец заплечный похож на суму.
Этот плат, под который заправлены брови...
Неужели всё это — великая суть,
У которой не стало ни веры, ни крова?

Вы настигли меня посреди суеты.
Там, где скомканы жадно минуты прощанья.
Где таможня и суд.
Ну а вместо страны —
Борщевик да кресты. Да Всевышний начальник.

На лоджии такая пустота

на лоджии такая пустота
ни солнца ни небес ни вёсен
заманчивостью старого листа
обшивка стен в которых сбилась осень
мой вечный непредвзятый запасной
мой выход в иноземное пространство
где всё подчинено бывало танцу
а нынче беспросветный выходной
и пустота заполнила простор
которому внимали разговоры
и сдулся мяч и сбились напрочь шторы
и некому сказать теперь постой

а за спиною в комнате углы
топорщатся игрой воспоминаний
пропущен ход и фишки не видны
как мимо проплывающие зданья
как корабли которые ушли
за горизонт который был так близок
лишь голуби топчут по карнизу
спустив на стёкла блёклые хвосты

и с каждым годом непроглядней даль
и будто бы какое зарубежье
фонарный блик оставшийся трамвай
и нежность
непридуманная нежность

Однажды остановит нас патруль

однажды остановит нас патруль
как будто бы проверить документы
наличие возможных мин и пуль
а также осознание момента
и будет долго нас с тобой листать
то вправо повернув а то налево
в глаза смотреть и вроде что-то знать
о нас заблудших в мареве вселенной
отпустит наказав какой-то срок
очередной проверки через годы
и мы сбежим оставив сей урок
забыв про патрули и незачёты
но с той поры у сердца холодок
вот подойдут потребуют ответа
а мы что мы седеющий висок
да лёгкий всплеск волны у парашюта

Я иду по дороге тёмной

Я иду по дороге тёмной
Потому, как в лесу нет свету.
Что фонарик — дружок никчёмный:
Всё равно не догонит лета.

Меж кустов застоялся сумрак.
Так и жди от него подставы:
Вдруг споткнёшься... а кто-то умный
Подсмеётся:
— За что держалась?

За родные по духу веси.
За бессрочность сердец и пахот.
Где с тобой проживали вместе
Жизнь за жизнью, бывало, за год.

Я иду по дороге тёмной.
Никому на ней нет ответа.
То ли к Богу ты шла, то ль к чёрту...

Будешь знать, если выйдешь к свету.

Не знающий покоя ураган

Не знающий покоя ураган,
Остановись и не корёжь балконы.
И не трясись, как погремушки, кроны,
Неистово тесня всех: «Аз воздам...»

И так мы все сгораем в суете:
В непонятности прошлых нас и пришлых.
А ты меж нас опять кого-то ищешь,
Отбрасывая с горечью: не те!

Давай же всё оставим так, как есть:
На небе солнце, на дорогах ветер.
И неподвижен бег земных столетий.
И мы не растерялись, вместе, — *здесь*.

Столбы как будто не деревья

Столбы как будто не деревья,
Но к нам прилаживают путь
Из городов в свои деревни:
Когда-нибудь... куда-нибудь...

И так же впряжены корнями
В бетон, как будто в землю ель.
И так же рады встрече с нами, —
Однажды всё-таки проверь...

Они же зыбкими ночами
Гудят ветвями проводов
Про то, что был нам изначально
Дан путь... под цокоты подков...

Но промежуточность дороги,
Ведущей остановки вдаль,
Нам не сравнить с вечерним логом,
Где ввысь спешит на встречу с богом
Деревьев мудрая печаль.

И, выводя нас из укрытья,
Где так покойно длится век,
Деревья поднимают крылья.
И человек... и человек...

Но лишь дерев велереченье —
Дубов, и сосен, и осин —
Нам говорит: «Оставь сомненья, —
Ты не один... ты не один...»

Судьба дорог не выбирает
И зря не тратит словеса:
Есть столбовая. Есть лесная.
И небеса... И небеса...

Вниз уходит стрела парашета

Вниз уходит стрела парашета,
За течением жизни спеша,
А навстречу из бабьего лета
Откликается небу душа.

Песни лета давно перепеты,
И листва облетает с вершин,
Только девочка над парашетом,
Словно ангел небесный, спешит.

Ножки тонкие, платьице дымкой,
А по плечикам ниточки кос,
На которых присели с улыбкой
Чуть дрожащие крылья стрекоз.

Что там скажется в будущих зимах,
Что поманится в тягостных снах, —
Только детское милое имя
На гранитных суровых устах.

Осенних свиданий раскованней жаждет душа

Осенних свиданий раскованней жаждет душа.
Ей вольно сейчас красоваться своим откровеньем.
И листья навстречу так жадно, так жарко спешат,
Как будто и в них зарождается вновь воскресенье.

И воздух прозрачен, и даль глубока, как нигде.
Меж сосен у дач, заплутав в сентябрях ненароком,
Я вся в ожиданье каких-то прекрасных вестей:
Быть может, и мне прострекочет о чём-то сорока.

И память притихла. Как будто бы только что вновь
Возникла и я в этом свете прозрачном и резком...
И словно впервые ко мне прикоснулась любовь
Крахмальным крылом распахнувшей окно занавески.

В этом городе люди не падают с крыш, а взлетают

В этом городе люди не падают с крыш, а взлетают.
В этом городе каждый пролёт и пустырь обитаем.
И подарком снега, и весь день безнадёжно-розов:
Результат сочинительства – новой оправы курьёза.

И пыльца – та, что светом падёт на раскрытые пальцы, –
Порождает снегов мотыльки и поэзию строчек.
И опять тишина растекается спешным багрянцем,
Унося в подворотни всё то, что забудется ночью.

Как на том берегу в переулках сквозные дворы,
В них блуждает декабрь, раздаривший последние крохи.
И слетают к нему – не поверишь, но как воробьи –
Чуть прикрытые окна давно отзвучавшей эпохи.

Переулок горбат, словно выбит в нём каждый сустав.
И лепнина домов обретает иное значение:
Время вновь ускользает – последний прощальный состав, –
Перестав, наконец, состоять из доступных мишеней.

А на школьном дворе в мишуре хороводится ель.
В каждом классе отмена диктантов, примеров, отметок.
Мы с тобой повзрослели: не помним обид и потерь, –
Лишь одно поднебесье в пролётах трепещущих веток.

Это здесь перед праздником стол словно божья ладонь,
Чьи щедроты смущают обилием и постоянством.
Гостевые места опустели в предчувствии танцев,
И топорщатся звёзды на тонких дощечках погон.

В Новгороде живём чудесами, как будто в раю,
Неизбежно сбиваясь в привычные тесные стаи,
Где по кругу подарки, в которых одно лишь «люблю», —
Чтобы мы никогда из семей своих не вырастали.

В этом городе нечет и чёт отстают за спиной:
Переулки кончаются, и обретается площадь.
В этом городе всё что ни есть — непременно моё
И печалью, и радостью миру оставленных зодчих.

Нет у меня чаек, одно вороньё

Нет у меня чаек: одно вороньё.
Да не то, что думаешь, — не спеши.
Вороны, взлетевшие над жнивьём, —
Им не до вопросов моих: как жить?
Не затем ли осень, — считать птенцов.
Пусть ушли из стаи, — да не пропасть!
Вон у них какая с собою снасть:
Целый мир, в котором живут без слов.

Нету у нас чаек, — они да я.
Что там напридумалось о любви?..
Зря порой не слушаем воронья —
Это ведь они нам кричат: «Живи»,
А не то упустится жизни нить, —
Убежит клубок через сто дорог.
Поднимайся, хватит сопеть да ныть.
Он пока далёк ещё — наш Бог.

Протестуют, если душою слаб.
И гордятся тем, что у них птенцы.
Осень потихоньку сдаёт назад,
Оставляя звонкие бубенцы.
Нам-то не до чаек — своих услышь.
Там, где нет морей, своя сторона:
Видишь, на карнизах остывших крыш
Наследила снова, таясь, зима.

Там, где ветер дюже порой хвостат:
Так сбивает с ног, закрутив в пути,
Вороны мои, не от вас ли стать:
Древний птичий клёкот: «Живи!.. Живи!»
Не от вас ли время: желать и сметь
И, расправив крылья, спешить к земле, —
Где, как море, плавится солнца медь,

Вороны мои... летят ко мне.

Но разгорается восход

Хотя бы завтра никто не умрёт.

Люся Пикалова

Но разгорается восход, —
И день придёт — и день настанет!
И, значит, липа расцветёт
У приоткрытых миру ставен.
И, значит, времени звучать
Среди стрекоз, шмелей и вёсен, —
И никогда не умирать
Ни детству, ни надеждам взрослым.

Ах, этот високосный год,
Настрой иные камертоны:
Заря цветёт, и день взойдёт
В краю любимых и влюблённых.

Мне так хотелось наяву
Застать величие Победы...
Хотя, скажи, зачем мне это
С бедой непрошеной в году.
Но так иль нет, а по утрам
Опять звучат Её фанфары:
Свод бесконечно голубой
Вздымает к жизни парус алый.

Дыши, пожалуйста, дыши,
Встречай весеннее знаменье.
Нет лучших знаков для души,
Чем жизни каждое мгновенье.

Мы будем жить — мы будем жить!
Заря встаёт — и день настанет!..
И будет попросту забыт
Весь этот мрак, что вышел с нами.

Ах, этот високосный год,
Настрой иные камертоны:
Заря цветёт — и день взойдёт,
Счастливый день над каждым домом...

Есть два ангела

Есть два ангела... Каждый у своего плеча,
Каждое плечо всё равно что причал,
Где гортани и слову тесно.

Левый ангел, темнея, меня страшал:
«Чуть оступишься, и пробьёт праща
Блеском молний — остывших лезвий».

Правый ангел настраивал камертон
Четырёх бесконечных моих сторон,
Где всходило крыло рассвета,

Воробьи не напрасно кричали: «Жив!»
Кто латает зимние витражи
Полнолуния строкой сонета.

И стоял посреди непорочный день,
Где на свет и мрак разбивалась тень,
Превращая весну в осколки.

Чёрным метила и любовь, и стыд,
Остро белым — где цвет до утра болит,
Распускаясь светло и долго.

И гнездовья, отброшенные к зиме,
По ночам не давали покоя мне
По закону памяти невозврата.

Левый ангел легко стреножил пути,
Пересечь которые — как взойти
На ведущие в небо круги... ада.

...

Нас распяли во имя того креста,
За которым жизнь, наконец, проста:
Не пробиты виной дороги.

И два ангела — равноценных моих плеча,
Каждый (бремя моих начал) —
Для того, чтоб рождались боги...

Господи Боже, опять нам с тобой недосуг

Господи Боже, опять нам с тобой недосуг
Посидеть на крыльце, где так ласковы поздние тени.
Где протяжен и чист каждый пойманный вечером звук.
Где прохладны слова, а их смысл, как всегда, неизменен.

Ах ты, Боже ты мой, вот опять мимо нас по мосту
Пробежала собака, возмись, как всегда, ниоткуда.
Мы с тобой по-соседски коснёмся плечами друг друга
И понятно будем друг друга сменять на посту.

Ты и я, – диалог меж смиреньем и бражностью душ.
Я и Ты, снисходящий к моим незачётным потугам...
И сгущается мир до объятий небесного круга,
Чтобы сбыться судьбой, отражаясь в посконности луж.

Я прошу тебя, Господи, сделай мне это и то...
Правь согбенность мою и выпрастывай новые крылья.
Помоги мне не быть ни обузой в твоей эскадрилье,
Ни занашивать в слякоть июльского цвета пальто.

А на самом-то деле прошу одного лишь: прими
Всё, что есть у меня... может быть, и на что пригодится
Эта вера в Слова. И терпимость домашнего ситца.
И мои пирожки – достоянье тепла и любви.

Обернусь: нет тебя, — лишь ступенька ещё горяча.
Словно кто-то подкинул чуть сбоку надежды полешек.
До последней звезды вера в чудо и зябкость плеча.
Нарастает заря, — только путь твой, как прежде, нездешен.

Знаю, Господи Боже, в моём притаённом краю
Столько дел у тебя, поневоле нигде не присядешь.
Я тебя подожду... На крылечке своём подожду.
Там, где август. И дача. И мысли о божеском Граде.

Москва клеймит. Горит её тавро

Москва клеймит. Горит её тавро.
И хочешь, нет ли, — крепко ты пристёгнут
К её мостам, где каждый выступ вздёрнут.
К тем эстакадам, вставшим на ребро,
Закручивая виражи побед.
А перекрёстки (хочешь или нет), —
Они тебя вздымают до вершины,
Чтоб не погашен был весенний свет.

Чтоб площадей не затерялось имя.

Сквозь улицы ожившая толпа,
Покинув разорённые театры,
Расходится, чтоб обнаружить завтра
Все памятники.

Все колокола.

Библиотеки, где была знакома
Почти со всеми, не теряя дома.

И каждый божий день она со мной.
Не важно, тупиком или проспектом.

То голые царапаются ветви,
Проклюнувшись единственным листом.
То осень чуть касается ладоней.
И в листопаде этом тонем,
тонем...

Но благовест приходов и церквей
По-прежнему выводит только к ней.

А мост качнулся и завис

А мост качнулся и завис
У времени на повороте.
Потом неспешно тронул ввысь,
Ограды натянув поводья.

Средь незаконченных дубрав,
Не прожитых со мною вёсен
Он, летней радугой восстав,
Спешил туда, где нет вопросов
О смысле жизни, бытия.
О том, что происходит с нами.

А там, внизу, рвалась волна,
Не принятая облаками.

И вот сквозит разлуки полотно

И вот сквозит разлуки полотно
Ноябрьскою остывшею дорогой.
На ней не то чтоб лист живой потрогать, —
Один упрямо выставленный локоть:
Теней горбатых серое сукно.

И, впитываясь в землю, небеса
Всё чужеродней, непреклонней, гуще
В земных отображаются глазах.
Так яростно и всемогуще,
Что не поверить этому нельзя.

Хотя ещё одёжки тополей
Настраивают нас на примиренье,
Но стыннут неприкрытые колени
Рябин, бульварных кустиков сирени,
Недавно пересаженных с полей.

Но первый снег, за нами возвратясь,
Так не нарочно возвещает связь
Меж тем, что было, есть и вечно будет!
И мы с тобой — доверчивые люди —
Выходим в утро, снова торопясь.

Тихо. Так тихо, что не слышно

Тихо. Так тихо, что не слышно,
Как переговариваются подземные реки,
Как прижимаются друг к другу
Будущие крылья бабочек,
Как отмеряет время маятник,
Ни разу не запнувшись,
Чтобы быть рядом:
Слишком близко,
Чтобы узнавать друг друга,
Слишком тесно,
Чтобы было можно дышать...
И тихо. Так тихо,
Чтобы себя помнить снегом,
Новым годом,
Собой.

Нет, мне не кажутся островом небеса

Нет, мне не кажутся островом небеса,
Спрятанные в провалы комнат, уступы зданий, —
Необузданная немота
На пути оправданий...

Остров забытых сосен (прости, июль!) —
На побережье света кровит закат.
Сколько себя ни придумывай, стар иль юн,
Всё равно на этом острове — виноват
Перед тем, что бросил (иль брошен сам?),
В том, что не успел (выбирал не то),
Клялся в промежутках любим богам:
«Ни за что тебя не отдам!» —
Отдавал, приплачивая ни за что.

Зимний сонный остров, где шаг — обрыв,
Явь подобна выстрелу — не убий,
Где страницы собранных с детства книг
Под одной обложкой горят: люби!
Нынче не востребован, завтра — наг:
Доступа туда, где нас нету, — нет.
Остров бесконечности — ворожба
Щедрых на метели и выюги лет.

Снег – голубой. И розовый, конечно

Снег – голубой. И розовый, конечно.
И серо-бур-малиновый, когда
Его пронзают брошенные вещи,
Упругость потерявшая стопа.

Ещё он бел. До святости и лени.
Ещё искрист. Попробуй, уколись!
Ещё упрям. И норовит в колени
Упасть, как пряный запоздалый лист.

Он деспотичен. Заставляет выжить
Там, где надолго стужа и мороз,
Приняв на веру с чистотою книжек
Спокойствие и чистоту берёз.

И так он лёгок и тяжёл однажды,
Что помнится в сумятице дорог.
И сладок так. И так смешно-отважен,
Когда к стеклу летит наискосок.

Он так доверчив первую снежинкой.
Он виноват, что в марте втопан в грязь.
Но есть зимы невзятые вершины.
И жизни побеждающая власть.

Виват, декабрь, поборник чистоты

Виват, декабрь, поборник чистоты
И белоснежных пламенных узоров,
Когда снега сойдут неспешным хором,
И музыкой звучащие валы
Сугробов наносных затеют танцы,
И солнечных корон протуберанцы,
То здесь образовавшись, то в раю...
Я бабу снежную с самой себя слеплю,
Подбадривая образ угольками,
И скудными от холода руками
С моей рябины бусы подарю.
И тридцать первого (ура календарю!)
Под ёлкой с Фёдором опять начнём игру,
И будут обнимашки и подарки.
А за окном снежинок хоровод.
И с нас начнётся снова Новый год.
И будут обещанья наши жарки!

Кто там вязнет в сугробах

Кто там вязнет в сугробах и не оставляет следов...
Кто-то выше летит и печатает след на асфальте...
Каждый снова один среди затерянных в мире миров,
Где запрет на любовь, но ещё не просрочены свадьбы.
Надо как-то держаться, хотя бы за эту вуаль.
Надо плыть на закат и вплетать хороводы акаций.
Над снежинками выше звучит незнакомый мне вальс,
Возвещающий веру и праздничный всполох оваций.
Вывожу из-под снега сияющий солнцем ручей,
Поселяю синиц на расправленных счастьем ладонях —
Это вновь рождество в обрамлении наших свечей
Возвращает весь мир ощущением близости дома,
Где ты чист пред собой, как начальная памятка «до»,
Как оставшийся в памяти день обещанием «после»...
Где-то ангел летит (и теплеет разнеженный воздух),
Распахнув, как крыла, тяжелившее душу пальто.

Эта зимняя дорога непроезжа

Эта зимняя дорога непроезжа. Не беда!
Под присмотром папки Бога всё ж завеет нас туда,
Где грехи нам — все отпустят. Станем ангельски легки,
Где сподобят тихой грустью по берёзкам у реки.
По лыжне, ведущей рьяно. По погосту — не зарос.
Значит, живы, хоть и пьяны...

Значит, спас всех нас Христос.

Что гадать, надолго ль небо, эта призрачность небес,
Где на блажи и победы свой всему противовес:
Вера в лучшее, что было, — что ещё оставит след...
Вновь дорога заснежила, — непроезжа! — сладу нет.

...Далеко ли, близко счастье, есть ли где на свете Бог, —
Не вопрос: есть соучастье ждущих лишь тебя дорог.
Под стопой летящих круто, сохранявших детства след:
Перламутровое утро да на ёлочку билет.

Там означены подарки. Там утерянный контроль.
Бал... И замершие парки, исполняющие роль
Добрых бабушек, чьи внуки так любимы и чисты...
Забываются разлуки и годков перегонки...

Эта зимняя дорога... Ставший разом дальним лес,
Где беремечком сугробы.

Да тропинок недовес.

Что такое зима

Валентине

Что такое зима, — это холод и бездна постели,
Где один островок — неподвластная телу душа
Не остыла ещё, помнит звуки начальной свирели
И подслушанный шёпот:

— Ну, как же ты, мать, хороша...

Что такое зима — подведение к высшей печали,
Где прощается всё и в ответ наконец-то — «прости...».
Где оставленный путь продолжает земля, изначально
Заложив для весны окаймлённые светом пути.
Потому невесомо-тепло не сумевшее сбыться, —
Лишь одни сизари осаждают притихший балкон.
Под прикрытием дня в январе эти верные птицы
Как бы вновь приближают теряющий нас горизонт.
Здесь на фоне любви островок посреди мироздания,
Где один на один между небом сырым и землёй
Продолжается путь — бесконечный урок созиданья
Всех оставленных душ — безраздельно шемящий покой...

Не причастный к ошибкам и будням нелепым... покой...

Облетает зима, облетает

Облетает зима, облетает:
Снег с ветвей летит на дорожку
И лежит там, совсем не тая, —
Мне же видно всё из окошка.

Вот ещё одна у подъезда
За окном приземлилась стайка.
Жить по-старому бесполезно.
Привыкай-ка.

Это, знаешь ведь, ненадолго:
Снег — он только зимою. Только.
А потом обоймёт весенним:
Первоцветы, ручьи...
Спасенье.

Облетает зима... Всё знает...
Будут новые хороводы:
Зелень, бабочки, птичьи стаи
И тропинки лесные...
Бродом.

Облетает зима, облетает.
Ждать осталось совсем немножко.
Ей казалось, она летает.
...Понарошку.

Есть простой нательный крест

Есть простой нательный крест:

И надежда, и отрада.

И другого мне не надо, —

Разве этот надоест?

Разве зарится душа,

О небесном беспокоясь?

Утром набело умоюсь,

Ночь надеждой заверша.

Лист проклонется резьбой,

И свеча раздвинет стены.

Крест нательный неизменен:

Рядом с грешною душой.

ВРЕМЯ НЮ

* * *

Птицы унесли всё лишнее.
Души обнажились.
Ноябрь. Время *ню*.

* * *

Осень.
Бельё на верёвках сохнет,
Испытывая наше терпение.

* * *

Дорога была настолько растоптана и заезжена,
Что напрочь забыла о своём предназначении:
Рождать Путь.

Бедный Путь,
Который ещё никому не попался под ноги.

* * *

Каждый будильник настаивает на своём времени.
Каждый из трёх согласен принять правым только себя,
Отстаивая и перебивая друг друга.

Разница в их мироощущении весьма незначительна,
Но если их завести правильно...
Перед кем они будут выпендриваться?

* * *

Совершается обряд:
Баба моет лестницу,
Чтобы по чистым ступеням подниматься вверх.
Храни её Бог.

* * *

Почему ты не родила меня птицей, мама?
Я б летала, летала, летала...

И было б напрасно
Безумное небо, хранящее разум полёта.

* * *

Время, которое я упустила, стало бездомным.
Тлеет души огонёк – жизнь кладёшь на растопку.

Резко рванулось ведро на свободу, –
Ахнула цепь, ускользя в колодец.
Не за звездой ли, что помнила крылья?

Брызги лезвий мгновенных –
Лоскутья надежд поимённых.

Время упущено – стало крылами чужими.
Крышка прихлопнула звёзды. Ведро опустело.

Осень коснулась сплошным листопадом желаний, –
Обнажённость души: не до того ей было.

ЗА ЧАС
ДО ОБЪЯВЛЕНИЯ ЗИМЫ

Зелень утратила свою актуальность

Зелень утратила свою актуальность.
Всё спокойней, теплей: охра, оранжевый и кармин.
Приобретает стойкий приоритет дальность
Образовавшихся в нас глубин.
Будто небес, обращённых в зиму, таящих негу...
Может, подножий, оставленных наскоро дозревать.
Летних угодий, таящих сегодня небыль
Снов, междометий, которых уже не догнать.
Где вы – ах! – спелый август последней крохой.
Тёмные воды прощаний – глубинный мой голубой –
Тот, что сейчас возвышается надо мной
Вместе с летящим курлычущим птичьим вздохом.

Что за пора, для которой так мало слов, –
Лишь ощущение: щедрость твоя крылата!
Того и гляди, вновь прорежутся строки стихов,
Как в молодости... Когда ты...

Ступени — только символ восхожденья.
Я приземлюсь на кресло на балконе
И буду созерцать себя летящей
Листвой осенней вперемешку с фото,
Где пагоды, ущелья, васильки...
Дворцы надежд и хижины устоев...
И беспредельность дома моего.

За час до объявления зимы

За час до объявления зимы
(До первого истоптанного снега),
Предчувствия невольного полны,
Вновь замыслием торжество побега.
Туда, где было лето и тепло.
Откуда мы спешили так напрасно.
Где паруса привычное крыло
Несло нас ввысь и приносило счастье.

Сентябрь, не проси: я не вернусь.
Зачем мне столько золота для шлейфа?
Пожалуй, я сегодня обойдусь
Одним ключом от старенького сейфа.
Где лето понапрасну, но всерьёз
Притихло, ждёт, что вновь его достану, —
И будет половодье спелых роз
Спешить ко мне сквозь затенённость ставен.

И вновь сбегут тропинки напрямки
Туда, где сентября ещё не видно.
И снег — лишь только свет из-под руки,
И листопад, пожалуй, только спит, но:

Зима и лето, осень — между строк...
Сентябрь вокруг, и я опять меж теми,
Кому дожди — в награду серебро,
Полёт листвы — надежда устремлений.

Три заботы у меня

Три заботы у меня: дом,
Да щебечущая песнями ветвь,
Да тропа, ведущая за горизонт, —
Только и всего, что пригодилось иметь.

Вырастить, поставить под крышу свод,
Птицу опознать по её птенцам,
Увести тропу в незакатный год, —
Пусть она, счастливая, кружит там.

В доме каждый угол хранит тепло.
Есть простор свету, чутка ладонь...
По тропинке той возвратясь домой,
Просто знать, что мир бесконечно мой.

Когда заболеваешь немотой

Когда заболеваешь немотой,
К самой себе уже не достучаться:
Пейзаж осенний скучно-городской,
Растянутый на вымокшие пальцы,
И карандаш на строчке запасной
Уводят горизонт судьбы всё дальше...

Корабликов нетонушие пятна
Качаются на мокрой мостовой.

Ещё чуть-чуть – и ускользнёт причал
Всех наших предисловий и начал,
И только даль без удержа и крика.
И я опять свободна и вольна
В пределах своего черновика,
Увитого годами-повиликой.

И что ни будь, за всё в ответе сам.
И щедростью нежданного здесь лета,
И памятью, сквозь веточку продетой:
Стихов последних дальний караван,
Вновь уходящий за моим рассветом...

Отпущенный припасть к моим ногам.

Я – старый ключник

Я – старый ключник, я привык к бряцанию ключей.
Я знаю, каждый от чего, давно ли здесь и чей.

Вот этот сам меня нашёл, блестя в траве ручья.
А этот в глушь меня завёл, загадкою маня.
Вот этот ворон мне принёс от брошенных ворот,
Надеясь, что когда-нибудь за ним жилец придёт.

Ещё ключи: и рай, и ад вобравшие в себя.
Ключи от таинства преград надежды теребят,
Не допускающие ложь, хранящие любовь...
О, если б время повернуть и возродиться вновь!

Кручу-верчу ключи в руках, и, отзываясь им,
Слова навстречу мне летят потоком молодым.
... Я – старый ключник, я ищу замки от разных слов.
Бывает, старый подойдёт, хотя давно не нов.

...

Я – старый ключник, я привык к бряцанию ключей.
Порой мне кажется, что я один из них... но чей...
А вдруг доверится судьба, и вот меня найдёт
То Слово, что давно моё, и... ключик подойдёт.

Скинут деревья козырные карты

Скинут деревья козырные карты.
Прописи дождя исправлять не пробуй.
Сколько тех берёз, проигранных нами,
Посреди зимы врачует холод.

Чужаки лета, вдыхаем осень
Шумно, глубоко – на разрыв аорты.
Вот уже и крылья себе не просим:
Нету той земли, оттолкнуться чтобы.

Нас уже давно ничего не ранит, –
Выжжены следы, а стволы черны...
Словно лист охранный, шепоток мамы:
– Лишь бы не досталось тебе войны.

Осень. Холода татарвой по весям.
Где уж мне теперь нарастить строчку:
Больше нету слов – говорящих лезвий, –
Немота как выстрел... одиночный.

Слово как будто упало

Слово как будто упало – ударилось оземь:

Осень!

Кусты краснотала, рябиновый сбитень

Пышущих счастьем, настроенных на зиму ягод...

Только и надо:

Вкушать, процедив сквозь времени дрему

Летящую к небу листьев позёмку,

Воздух бодрящий, прозрачность небес неимуших:

Клан отступающих, нас стерегущих – распущен!

Стало не тесно,

И всё же захватаны к небу подъезды:

Сникли все тропы, дороги означены грязью,

Там, где пустоты, – тем более непролазно.

Цепкость ветвей, брошенных гнёзд в одночасье:

Осень – портал в бесконечность обманчивой Леты.

Эхо скользящим браслетом на травы надето.

Вот заплутало меж тайно хранимою явью.

Осень медлительно тает в листве киноварью,

Не пощадив седины, ни связующей свет паутины.

Мимо.

Только и есть – словно нимб,

восходящий над летом падучим:

Солнечный лист, словно луч,

пробивавший низины и кручи...

Есть ли что-либо лучше

Осени?

Только осень...

Он не понаслышке знает осень

Он не понаслышке знает осень:
Ангел, проживающий в саду.
Ветер листья павшие подбросил
На колени ворохом ему.
Есть с берёзы, а вот этот с клёна —
Знай себе сиди да ворожи
Прибауткой лёгкой, пустяковой,
Что с весны осталась для души.

Ангел, на скамеечку присевший,
Ножки аккуратные поджав,
Солнце на своих ладонях держит,
Зайчиком пустив по этажам.
Питерский сентябрь. Пора везений.
Счастье рядом с ангелом в саду.
А в блокноте тоненьком Есенин
Переписан строчкой на ходу.

«Не бродить, не мять в кустах багряных...»
Жизнь спешит, и дел невпроворот.
Только помнить, как рябины ранят,
Как цветёт опавший клён... цветёт...

Для меня что ни осень...

Для меня что ни осень, так сказочной птицы перо, —
Вот взмахнёт у двери и поманит в озёрные дали.
Только это уж после, а нынче совсем рассвело,
И туман расстелил вдоль дороги притихшие шали.

Я-то думала: осень, а вышло, как видишь, зима.
И прозрачно-легки над землёю несущие перья.
Да и ветер таков, что проносится мимо стремглав, —
Если что и осталось: кленовый листочек доверья.
На балконе зажат меж отвергнутых детством вещей,
Что пора бы на выброс, да всё не поднимутся руки.
Вот былая корзинка да свёрток ненужных плащей,
Меж которыми он — словно взятый зимой на поруки.

И горит — не горит, вроде с нами, а всё при себе.
Помнит вёсен лучи, что роднили его с небесами.
Помнит летний простор, поцелуи и мёд, что горчит.
Да и осень мою — что на счастье случилась меж нами.
А теперь не дотронешься — вдруг он исчезнет, как сон,
Распадётся... в пыльцу превращаясь, — прощаясь...
За окошком зима и лыжни задыхавшийся гон,
Но сквозь память зимы тёмных почек упрямая завязь.

Я придумаю осень простором дорог и полей.
Я придумаю птицу, что с листвою кружили над нами.
А зиме не впервой за снегами таить лебедей.
Да и мы попривыкли давно любоваться снегами:
Там и ёлка, и праздник... И сбудется снова весна!
И такое, на счастье, в окошке поднимется небо,
Что уже не остаться... И тронешься птицей с листа...
Всё, что было зимой, оказалось сбегавшим снегом.

Ну, где вы там, товарищи мои

Ну, где вы там, товарищи мои:
Валеты, короли козырной масти?
Как далеки вы нынче от земли,
Чьи к февралю протянуты запястья.

На Пушкинской, на Чистых, на Тверской
Всё тот же снег, что годен для гаданий,
Опять летит над бывшей мостовой,
Утопанной миллионами свиданий.

Вас слишком поздно звать по именам.
Как ни зови, всегда одни и те же
Кружат по Маяковке и Манежу,
Доверенные строчкам и стихам.

Неумолимы росчерки дорог, —
Бездомность неба над моей ладонью,
Где с вами говорит один лишь Бог,
А вы со мной — надеждой и любовью.

2

После шёл золотой: золотая моя... золотая...
Солнце плавилось так, что от края до самого края
Золотились тела, бронзовея на солнце и млея, —
Возвращая то время, в котором живут лорелеи.
Золотились тела, лишь под шёпоты звезд угасая,
И опять мне навстречу: золотая моя... золотая...

Светло-серый: пыльца — поглощение света, пространства,
Укрошение дня, приглашение к новому танцу,
Где струятся шелка в обнажённом желании звука,
Где желанье восходит беспечностью нового круга.
«Я люблю тебя» — слово, одно лишь на все многоточья,
Дерзко сводит на нет все живущие в нас «одиночки»...

4

Я узнала, как сводятся швы в рассеченном квадрате,
Как бликуют узлы на раскинутой жизнью основе.
Как вкрапления цвета согревают и красят запястья:
Лоскутки бытия, воскрешённого памятью слова.
Где-то там, небесами, раскинулась новая стая.
На земле листопад... золотая моя... золотая...

Лоскут земли на пристёгнутой к небу дороге:
Нить, что осталась лежать для меня на пороге.

Всё кончается русью (а иначе — солнечным светом):
Усиление счастья, таящего осень стократно,
Золотистая стая, от стужи прикрывшая землю, —

Всё кончается белым...
Невозвратно.

Как ты думаешь, осень, зачем ты любимым дана

как ты думаешь осень зачем ты любимым дана
бесконечно летящим сквозь пасмурность дней хороводом
там кружится листва укротив всепрощением годы
образуется снова влекущая счастье канва

я пребуду в ногах твоего огонька-камелька
отзовусь на призыв лишь на миг опоздавшею песней
и предвизью души потакая возникнет река
проносящая гроздь цветущих сентябрьских предместий

как ты думаешь осень врачую изломы ветвей
мы сумеем забыться томимые каверзным счастьем
чтобы жить-поживать не завися от будущих дней
зависая навек в безразмерных любовных напастях

чтоб нежданно уйти и стихом упразднивши листву
кружевами дождей в небесах пролетев мимоходом
чтоб оставить слова трепетать на незримом ветру
так желанные миру надежде на святость в угоду

как ты думаешь осень...

ОТРЫВНОЙ КАЛЕНДАРЬ

Отрывной календарь

Этот календарь в нашей семье был весьма популярен.

Так как у папы был свой ворох газет, которые он просматривал первым, календарь был отдан на откуп маме. Именно поэтому вся семья знала, во сколько начинает вставать солнце, с какого числа начнётся настоящее лето, кто такие папанинцы. Перебирая его листочки, мама рассказывала, в какое воскресенье мы начнём праздновать Пасху и когда снова пойдём на демонстрацию. Среди чёрных листочков календаря попадались красные. В такие дни меня всегда ждали подарки. Так, например, 9 Мая запомнилось появлением первой куклы с фарфоровым личиком, Новый год – удивительно изящной сверкающей короной с подвесками, которую сделала мне Кокочка. Помню выборы – мне купили книгу «Чапаёнок» Софьи Могилевской.

По этому календарю приходила весна, удлинялись или укорачивались (Петр да Павел день убавил) световые дни. Долгожданный листок с папиной пометкой говорил о том, что завтра из санатория вернётся мама. На моей памяти таких вот, вырванных из общего движения, листков набралось немало.

Некоторые из них оказались здесь...

Декабрь

На сегодняшнем листке календаря совсем не новогодние поздравления, а лицо тётки Дуси – маминой подружки. Она такая кудрявая и седая, что я не могу отвести глаз. Лампочка-грибок. Я спрятана за спину крёстнички: мы спим в одной постели. А за столом две женщины шёпотом обсуждают письмо, переданное из тюрьмы Эммой. Это дочь тётки Дуси. И такая красивая, что я не понимаю, за что её можно посадить вместе с убийцами и грабителями.

Потом кого-то из моих родственников и знакомых реабилитируют, кого-то выпустят, но эти двое, Эмма и Лёнька, всегда будут большим знаком вопроса, на который до сих пор не найден ответ. Кто такой Лёнька? Он тоже большой. Сын моей двоюродной тётки. Я уже не помню его. Только море, в которое их загоняли и лупили из брандспойтов. Может, поэтому у него такая выщербленная синюшная грудь.

Какая у нас комната? Самая обычная. Стул, на котором сидит только отец. Стол, за которым умещаются все гости. Под ним, за спущенной скатертью, моё королевство. А взятые с собой маленькая подушка и старенькое одеялко только придадут ему дополнительный уют.

Ещё у нас большая кровать. На ней связанные мамой подзоры и накидушки, вызывающие восхищение у присутствующих. А я долго не знала, куда деть всё это богатство, пока не пристроила всё на даче, с недоумением думая о том, сколько же времени затрачено на всё это... Почти целая жизнь.

Это и есть наша комната. Она просто наша. И потому, наверно, в ней умещается так много судеб. И разговоров. Обычных, бабских, о пьяных мужьях и ценах на рынке, дефиците одежды, путёвках в пионерские лагеря.

А ещё в этой комнате есть моя скамеечка, которую сделал отец. Чаще всего я сижу на ней и плету толстым крючком длинную верёвочку, что, как солнечный зайчик, сворачивается у моих ног. И я слушаю, прислушиваюсь к чему-то. Может быть,

к шороху моего перекидного календаря, который так путается сейчас, что не поймёшь, то ли зима, то ли лето... потом окажется — просто жизнь.

Гости

Иногда бег сорванных листочков приостанавливался: это приезжали гости. Не всегда наши, но всегда к нам. Паролем, пропуском на нашу территорию и в объятия Лизаньки и мамы была фраза «Мы от дяди Паши».

Имена могли меняться: Лёша, Зина, Борька Борисов, Дуня с Нахратова, Мария из Соломбалы... верховажские и макарцевские, раменские и череповецкие, вельские, — но суть оставалась прежней: мы к вам! И вываливалась на стол из опрокинутых сумок и мешков солёная треска и сало, сушёные грибы, черёмуха и малина, заячьи хвостики и красивые пёрышки для помазывания пирогов и блинов. И обязательно шаньги: их любила я.

Отличился мой любимый дядя Паша: прислал солёных рыжиков — целеньких, только тех, кто сам проскакивал в узкое горлышко бутылки.

А потом из-под стола торчали распостёртые под углом чужие ноги, раздавался богатырский храп, и витал в воздухе запах вокзала, где стучали колёса поездов, пахло махоркой и бабушкиным передником и снилась бесконечная Вага с уходящими под воду понтонами. И я засыпала, убаюканная многочисленными приветами незнакомых мне людей этого счастливого бесконечного времени.

Гости, как правило, служили преддверием праздников: Седьмое ноября, Новый год, Первое мая. Когда наполненные пирогами тазы всех хозяек выставлялись на кухню на всеобщий аппетит. Когда переставали закрываться двери на лестницу и весь подъезд начинал жить особой, предпраздничной суетой. Женщины бегали друг к другу с обновками. Рецептами пирогов. Где, что и почём. Мужики кучковались на лестнице или у чёрного хода, несколько неприступные в новых рубашках и так и не прижившихся галстуках.

Самый запоминающийся был праздник Нового года. Когда все гости были общие и все вместе танцевали в коридоре

в носках, где пелись песни, проливалось шампанское, и над всем этим новогодьем витал запах мастики натёртого до ослепительного блеска паркета.

Лизанька

Мама ходила на работу, и я ждала её вместе с Кокочкой, которую до меня звали Лизанька-Хохотушка. Она работала подавальщицей в офицерской столовой, и молодые лётчики часто предлагали ей сменить Москву на ударную жизнь где-нибудь в ближнем зарубежье: Рязани, Литве, на Дальнем Востоке.

Лизанька держалась стойко. Даже когда появился Косточка-Константин, деревенский упёртый парень, она быстро спроводила его к своей подруге, поженила. Костя стал подполковником. А с его дочерью Валентиной мы дружны и по сей день.

Лизанька сидела со мной — растила. Выезжала на дачу, которую снимали родители, потом в деревню, где жила их многочисленная родня.

Я не помню, чтобы она учила меня читать, писать и прочим наукам. Мы просто разговаривали. Каждый день. Как она росла, как приехала из вологодской деревни в столицу, какие были праздники, как ликвидировала свою неграмотность. Знала несметное количество частушек. И в свои восемьдесят семь лет надиктовала мне их около сотни.

Чего стоит её рассказ о мачехе, которая вышла в двадцать три года за нашего деда с тремя детьми да ещё своих пятерых родила. Вот и доставалось Лизаньке, как самой старшей, по первое число.

Но странно: все наказания, которые она помнила, доставались ей за других. То, пользуясь отсутствием мачехи, она заговаривала пироги, которые потом срочно приходилось прятать под крыльцо. То за праздничную рубашку отца, которую она разрешила, чтобы сшить две: Павлику и Васечке. Как видите, арифметика её была проста: минус одна, да зато плюс два. Да ещё самые красивые на улице. Так за что ругать? Тем более что рубашки получились отменные и носились потом долго.

А мачеха Мария, по-простому Марья да Машенька, била её и приговаривала:

— Что же мне с тобой делать? Утоплюсь же я!

Лето

Лето — это нечто огромное, феерическое, подчас затмевающее рассудок. Целый год после него отдышиваешься и снова ждёшь: когда же, наконец, мы пойдём закупаться.

Головные платки, баранки, «Беломорканал» — и всё это в одной куче. В ожидании чемодана, который завис где-то на антресолях. Потом его снимут, и начнётся самое интересное: дядя Паша, тётя Катя, Зина, Лёшка, клан Борисовых, ребятня: Галя, ещё Галя, Володи, Валентин, Нинушка...

Это ещё только в одной деревне. А у нас их ого-го сколько! И снова под торопливый мамин шёпот всё перебирается, перекладывается, упаковывается. Крёстничка в который раз пересчитывает всё сначала — не забыли ли чего. И только после этого начинается настоящее лето. Ярославский вокзал и поезд. И даже немножко позже. Когда мы сойдём в Вельске, не потеряв ни одного узла. И мой двоюродный брат подгонит для нас целый автобус. И мы не спеша поедим по пыльному городку к вкуснейшим пирогам тёти Нади: с черникой и малиной.

Столешников

Отдельный разговор о пирожных.

Были времена, когда их покупали только мне. По одному.

И я гордо несла его, завёрнутого, как конфета, со Сретенки.

Стараясь не примять розочки, ягодки и прочие показатели счастливой жизни.

В каком бы магазине они ни покупались, я всегда кушала их с одинаковым удовольствием. Мои родители тоже. Крёст-ночка же непременно ходила за ними в Столешников переулок. Даже когда ей уже было хорошо за восемьдесят.

Она, ничего не говоря, молча поела наше угощение из Будапешта, Праги, с той же Сретенки. Благодарила.

А потом, как бы утверждаясь, спрашивала:

– Это ведь не из Столешникова?

И была верна этой своей кондитерской вплоть до самого ухода.

Когда просто не проснулась.

Дядя Боря

Больше всего на площади меня привлекал магазин, где мама отоваривалась чаще всего. А если честно — не столько магазин, сколько его краса и гордость — дядя Боря, работавший там мясником. Не успевали мы подойти к его отделу, как он уже чуть не перегибался пополам нам навстречу.

— Что это, Александра Ивановна, вас так долго не было, а я уж вам сегодня всё отложил, знал, что зайдёте.

И потом скучная длинная беседа о преимуществах краешка, рёбрышек, свиных ушей. Дядя Боря улыбается, прищёлкивает языком, делает какие-то незаметные манипуляции, в результате которых наша продуктовая сумка отягощается более, чем было запланировано. Но все счастливы, все улыбаются, прощаясь. Даже я, которой тоже досталась немалая доля комплиментов от неугомонного дяди Бори.

Второй любимый магазин назывался «Рыба». Идти к нему надо было по бульвару к Петровке, мимо Крапивинского переулка, где стояли необыкновенно красивые дома. Тут дело было не в продавце. Здесь мама брала копчёную треску, перевязанную верёвочками. Много. И она торчала из сетки всю дорогу. Потом мы приходили домой, отец чистил её и складывал в самую большую миску. Мы чинно садились за стол и ели её, как семечки.

Сало

Наши соседи были деревенские. И их дети тоже. А я — вся городская-прегородская и оттого, соответственно, тощая и бледная. Накормить меня считалось героическим поступком. И только для сала, которое посылали тётё Тане из деревни, было сделано исключение. Перед ним устоять было просто невозможно. Розовое, крепко посоленное и толсто нарезанное, оно лежало на перевёрнутой доске от посылки. А мы, сгрудившись вокруг и перебивая друг друга, ели и ели его.

А моя мама тихо выглядывала из-за двери и краснела за меня.

Цветной бульвар

Был ещё один праздник, не зависящий от календарных дат. Мой Цветной бульвар. Обязательно с мамой.

Входить на него можно было с двух сторон. Посередине — это когда мы шли в Цирк, на рынок или в библиотеку, куда меня записали в первом классе. И со стороны Трубной площади. Именно отсюда начиналась моя бесконечная радость: с непомерно высоких каменных скамей, по которым мне разрешалось бегать.

Глянцевые, будто отполированные, они казались мне нескончаемыми. В них отражалось солнце, мои новые туфельки, силуэты высящихся рядом фонарей. Именно на них я находила разноцветные камушки, сброшенные для меня ветром листочки с деревьев. А ведь была и ещё одна сторона — левая, с которой были хорошо видны ступеньки дяди Бориного магазина. Мама уставала меня подсаживать то на одну скамью, то на другую, но отказать не могла: слишком уж много счастья было, наверное, написано на моём лице.

Потом я, наконец, уставала, меня пересаживали на велосипед, и я медленно и гордо плыла вокруг клумбы, на которой всю цвели георгины.

В первый класс я тоже пошла с георгинами, — Цветной бульвар и здесь не отпускал меня одну, напутствуя радостно и уверенно в моём счастливом будущем.

КРАТКИЕ
ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ

Восьмой день недели

К своему очередному юбилею она подготовилась вполне достойно — была жизнерадостна и любима. Дети вполне успешны в школе, муж — счастлив, а собаки (английский бульдог и хаски) позволяли принимать жизнь такой, как она есть, без всяких ограничений. К тому же у неё появилось новое хобби: картотека приправ и специй.

Она читала Авиценну, но так и не запомнила, как называется эта божественная трава, продлевающая жизнь, — может быть, чабрец? Она пекла булочки с корицей, держала на столе чеснок и красный перец. Её завораживала куркума — вносящая нотку позитива и вырабатывающая гормон счастья. Удивлял неприхотливый пажитник — любимая пряность всё того же Авиценны. И приняла как нечто само собой разумеющееся, что каждый новый день — первый день её настоящей жизни.

В свои восемьдесят три года она так же любила перебирать карточки теперь уже весьма разросшейся картотеки, включающей как кулинарные, так и медицинские советы. Она часто вспоминала себя маленькой, как, держась за бабушкину руку, входила в тесную деревенскую церковь, где вместо ладана курился тимьян. Но чего она никогда не забывала и всегда отлично помнила, так это то, что в неделе есть восьмой день: Завтра! — который был, есть и будет всегда первым днём её настоящей жизни, радостной и счастливой.

Буквы

Буквы осознавали свою принадлежность тетради. Именно она придавала им некую стройность и стойкость, группируя и рассеивая их по разным страницам. Они принимали эту принадлежность и не очень-то кочевряжились, когда некоторые из них зачёркивались или, наоборот, втискивались в свободные промежутки.

Так бы долго и было, если бы не слова, которые посчитали себя более важными. Именно им досталось таить в себе некую информацию. Именно они задерживали наш взгляд и будоражили мысли. И при чём тут прописные и заглавные, наклоны вправо и влево...

Так возникла иерархия: карандаш — бумага — прописи — словари...

Но вот что-то стало витать в воздухе. Лёгкое и почти неосоздаемое. Не поддающееся определению. Не зафиксированное сбоем пульса. Это было отступлением от правил. Нарушением знакомых привычек.

— Чур меня! Чур меня! — открещивались все мы.

Это была Жизнь...

Жила-была такая: не большая и не маленькая — обыкновенная... Стихи писала.

Океанариум

Он пришёл к матери и сказал:

— Да, мама, мы с тобой рыбы, но мы можем хоть раз поговорить с тобой по-человечьи.

И он рассказал ей про свою девушку, чьим парнем он был до сегодняшнего вечера, как носили они цвета друг друга: он — жёлтый, а она — бесконечно добрый.

А теперь всё изменилось — она стала рыбой толпы, и цвета её стали слишком разного цвета: чужого.

— Что поделаешь, сын, — ответила рыба, знающая про сети, бредни... Ещё как глушат молчаливые рыбы души. — Что жалеть о том, что случилось? — Не хотела быть человеком умудрённая жизнью рыба, хоть надела цвета печали: голубые одежды моря. — Я тебя, сынок, понимаю, но по-всякому здесь бывает...

А он был её кавалером, тем единственным — самым первым.

— Не по силам нам эта ноша: все людские их прибабасы, называемые любовью, и надеждой с остатком веры, и, как знаешь, последним шансом.

Утром служитель океанариума поднял сплывшую рыбу, лежащую возле стенки, с другой стороны которой шевелилась и мле-ла стая, так охочая до развлечений.

Тросточка

Жила-была Тросточка...

Вернее, это она про себя так думала, а на самом деле была обыкновенной палкой, купленной в медтоварах для особо немощных и болезных.

Её клиентом оказался мужчина, долго раздумывающий над таким подарком: «Неужели пора? И сколько же мне лет на самом деле?» Потом он по привычке и уже без долгих рассуждений брал её с собой на прогулку. И они гуляли, пытаясь быстрее приноровиться друг к другу.

Она была лёгкой, стройной и уверенной в себе, он — просто скучал. От замкнутости пространства. Невозможности осуществления поставленного в план на годы вперёд. Но ей было интересно. Кем, например, он вообразит себя сегодня? Великим денди, изобретателем скандинавской ходьбы, барабанщиком, выбивающим дробь победного марша, или просто забудет про неё, и она будет тащиться почти волоком, оставляя на снегу невразумительные следы сопричастности?

Иногда подбегал его внук и начинал с её помощью что-то чертить на узкой площадке, посыпанной крошкой кирпича. А ей нравились эти незаконченные лабиринты и возникающие сферы... Именно в эти минуты ей начинало казаться, что она обладает неким даром творчества. И она сама — сама! — придумала название своей первой книги:

«Тросточка»

Тут она нарисовала с помощью его внука сегодняшней год, потом тире, а потом знак бесконечности, подсмотренный ею однажды в Его бумагах...

Двери

Это ничего, что в моём доме ничего нет, только одни двери, подпирающие небо, хлопанье которых определяет время: ещё рано... уже поздно... никогда...

Двери долгое время остаются открытыми. И тогда мне видно побережье и слышны резкие крики чаек. Но вся беда в том, что, как только я пытаюсь покинуть дом, двери тотчас захлопываются и открытой остаётся только одна — самая дальняя.

Раньше я со всех ног бросалась к спасительному выходу, но так никогда и не успевала.

Я нашла дверь, прислонясь к которой можно было услышать шёпот листвы, дверь, по которой вечно струился дождь, дверь, изнывающую от непонимания и скуки. Или ту, которая так опасалась разлуки со мной, что мне ничего не оставалось, как долго-долго сидеть у её порога и петь ей колыбельную.

Иногда у одного из порошков я находила скомканный фантик, сломанный карандаш. Один раз мимо меня проползла улитка, и это было целым событием.

Я так и не успевала добежать до открытой двери, зато научилась отдавать пришедшее и принимать посланное: время, которое не даётся взаймы и которое никто не может отнять у тебя.

...Сиди и не рыпайся. Подбирай занесённые к тебе мелочи. Разглядывай тайнопись отражений. Сожалею о времени, которое позволяет тебе затеряться. В очередной раз перетряхивай свой рюкзачок: а вдруг найдётся дверь, которая будет твоей? И ты всегда будешь вольна войти и выйти — и снова войти. Дверь, распахнутая настежь, за которой всегда будет утро.

Бог играл в человечков

Бог играл в человечков, как иные мальчишки в солдатиков. Создавал их, присматривался к тому, что получилось, и каждому дарил землю — маленький такой кругляшок на затравку — и отходил в сторону. Мол, делай что хочешь.

Кому-то доставалась гряда камней. Кто-то просто утопал в ароматах разросшейся зелени. Были и ещё варианты: дома и копи, арены и заповедники, дюны, зеркала, подиумы, торговые площади и кельи и даже одна астрономическая лаборатория.

Иногда бог особенно тщательно приглядывался к копошащимся фигуркам. Посылал им ветра и радуги, дожди и звёзды, разную утварь. Например, скрипку или даже коклюшки... Радуйтесь!

Люди стали обрастать семьями, надеждой и кафедральными соборами. А также плодами и войнами, рекламой и парусами, перьевыми ручками и дирижаблями.

Богу уже надоела эта игра, но каждый раз эти козявки придумывали что-то новое: карабкались на вышедшие из моды вершины, тратили жизни на уже содеянное. И он никак не мог их бросить.

Так до сих пор и приглядывает за нами, великий и всемогущий, оставляя на нашу совесть своё бессмертие.

Черепаша

Черепаша медленно ползёт по дороге, держась за её поводок. Сдерживая дорогу, чтобы не слишком торопилась, — у неё ещё есть время. Иногда черепаха позволяет себе даже отдохнуть. И дорога тоже замирает, позволяя ей привести свои мысли в порядок.

Черепаша думает: «Я — время, потому что оно закончится вместе со мной». Дорогу интересуется, кому потом перейдёт поводок. С кого начнётся новое время, полное неизвестности.

...Дорога и черепаха не будут мешать ему своими воспоминаниями. У него будут свои Помпеи и свои Аустерлицы, куда он спрячет невозвратное. И свой новенький поводок, обладающий волшебным свойством никогда не убежать от него. И время, которому он будет верить, как самому себе.

И счастье...

Черепаша не смогла достойно сформулировать, что это такое. И потому просто продолжила свой нескончаемый путь. Только немного резче натягивала поводок и медлила... медлила...

Может, и в самом деле время и путь едины.

И тогда образуется будущее — наша бесконечность.

Фантики

давай прятать фантики от конфет в самые неподходящие
места

и тогда никто не узнает что мы с тобой такие сладёны
и готовы целоваться так долго и так сладко
пока фантики наших дыханий не превратятся в стайку
разноцветных мотыльков закрывающих небо

когда ни к чему знать время и место действия падежи
и склонения

подготовку к завтрашней контрольной по физике
и только слушать и повторять за тобой
ты моя девочка девочка моя маленькая моя

колыбельная для взрослых
знающих
счастье

Маленький стебелёк

Маленький стебелёк, изнывающий от жажды,
При виде тебя становится в позу и задирает голову.

— Дай пить! — повелевает он

И продолжает шантажировать:

— А иначе

Не будет тебе стволов, защищающих тебя от бедствий,

Не прикроют тебя ветви, не порадует тебя листва,

не доведётся тебе вкушать... —

Тут он останавливается и смотрит: неужели не проняло?

Ещё как! Ты уже давно сорвался за лейкой,

Потом спешно опустился перед ним на колени,

Корчуя сорняки и взрыхляя землю, —

Эта малявка нашла-таки твою ахиллесову пята:

Страшно оказаться без будущего...

Бумажный кораблик

Ты не знаешь, зачем ты мне подарил этот большой корабль? Его же нельзя взять с собой, трогать, когда захочется, — только любоваться. Я, конечно, понимаю, что у тебя карантин и тебе надо куда-то девать время. Но мама увидит и поставит его на полку: не сломай, папа так старался...

Ты не обидишься, если я попрошу тебя сделать мне простой кораблик? Из бумаги. Бумажный кораблик. Он никому не будет нужен и потому будет только мой. И я буду везде таскать его с собой. Помнишь, как вчера я таскал с собой доньшко из-под мыльницы и метил им всюду? Это я оставлял свои следы — следы одноногой чайки Карла из книги про Плюка.

А с этим корабликом я буду отсчитывать шаги. Три шага до моей армии танков, пять шагов до неоткрытого острова динозавров. Потом будет что-нибудь ещё, а вечером мы с ним вернёмся в свою гавань: к Мусе — которая уже не будет огорчаться, если мой кораблик окажется немного помятым и с пятном прямо на носу, а просто пожалеет нас и уложит спать. А утром на стуле у моей кровати появится новый бумажный кораблик, и я поплыву на нём прямо на кухню. Сказать моей Мусе спасибо. И поцеловать её.

Сумерки

Сумерки – всего лишь достойная оправа пробивающемуся в нас свету. Вроде бы всё ещё можно, и вот уже ничего нельзя. Чуть раньше зажжёшь свет – исчезнет предвкушаемое таинство теней и намёков.

Чуть позже – и вот уже начинаешь барахтаться в маслянистой густой тьме. И не видно неба, с которого начиналась в нас звезда, скрывающая пути мироздания...

Сумерки – нежное грехопадение всего телесного и осязаемого: стадность человеческая, когда ты и «всё» и «никто» одновременно...

Солнце, опрокинутое прямо в подставленные ладони.

Море, забирающее и отталкивающее от себя.

Время, когда у тебя есть выбор: погасить или продлить свет.

Крылья

В одном из проходных дворов Колокольникова переулка стоял флигель, на окне которого можно было прочесть нечто похожее на объявление: «Обретаются крылья...» Кто-то спотыкался сразу, на первом же слове, удивляясь неумению людскому говорить ясно и понятно. Иной мысленно крутил пальцем у виска. Особенно нетерпеливые сразу хватались за ручку двери. Кому-то она открывалась, кто-то жаловался, что, как ни придёт, всё никто не работает.

Зато попавшим сюда было раздолье: всё, что они представляли себе за мгновение до этого, реализовалось: тот мир, в котором им сразу стало комфортно и весело. Они сами подбирали себе материал, сами ставили фон: глухая стена дома напротив в ожидании радости; бескрайнее поле, оприходованное зимой, — ведь именно там таился невозврат: наше прошлое и будущее.

Некоторые крылья рождались за день, другие требовали большего внимания, но люди, поглощённые созиданием, не замечали упущенного. Они выпиливали крылья, вырезали ножницами для жести, сшивали из разных полотен, подбирая цвет и фактуру. Это мог быть солнечный луч, глянец мокрого тротуара, радость первого шага, пыльца времени... щупальца столетнего дуба, ищущие понимания.

Раз в году здесь устраивали День открытых дверей. И тогда дверь и в самом деле была открыта до самой полночи 31 декабря. Пришедшие могли выбрать себе любые крылья, выставленные на подиуме. А люди, чьё авторство было несомненно, ничуть не жалели о своих работах. Ведь у них впереди целый Новый год, который они посвятят творчеству. И, чем чёрт не шутит, появятся новые, сногшибательные крылья, полные радости и вдохновения.

А пришедшие, сначала несмело, а потом всё больше и больше воодушевляясь своей смелостью, приступали к примерке. Весь фокус которой был в том, что, если люди и крылья совпадали,

крылья поднимали человека вверх и через раскрывающийся потолок они вылетали в никуда.

Народу в этот день набиралось много, совпадений мало, поэтому редко кто замечал исчезнувшего соседа или соседку. А те, покинув помещение, неспешно воплощали свою мечту. Так появлялись новые города и земли. Развивались наука и искусство. Сочинялась музыка. Крепла и создавалась любовь.

С Новым годом, дорогие! Я люблю вас...

Мартовские тюльпаны

Мартовских тюльпанов было много. И тогда появился беспорядок, присущий каждому множеству: все сорта и цвета были перемешаны.

Сначала с оглядкой на сочетаемость, потом — в зависимости от формы и объёма ёмкостей.

Цветы постепенно принаравливались друг к другу.

Более тесно прижимаясь или отклоняясь на возможное расстояние в зависимости от прожитого времени.

Затем стали увядать.

Чётко выразилась сердцевина букетов, вокруг которой, всё ещё хорохорясь или склоняясь подобострастно, образовались приближённые, соответственно своему статусу и положению.

Эти особы ссутулились, затаивались в своей невозвратности. И всё-таки выбрасывались.

И вот последний букет, вокруг которого чувствовалась некая аура бесконечности: несмотря на складывающиеся листья, угасающие так и не раскрывшимися бутоны, сердцевина жила!

Неуёмные стебли провоцировали движение. Им как будто было всё равно, что по этому поводу думают оставшиеся цветы, потихоньку освобождающиеся от тесных одежд, заражая всех патиной и ускользящей красотой времени.

Каждое утро я нахожу в них что-то новое.

Другое расположение теней. Беспомощность одних и не-уязвимость предназначенного — некоторого «вдруг», которым так полна жизнь...

Я учусь икебане...

У меня замечательное имя

У меня замечательное имя.

Каждое утро оно отыскивает меня и начинает звать...

Потом, разделившись надвое, пытается соединиться с другими существующими. И тогда получаются ни-ть, Ни-ка, ни-ша...

Нить солнечного луча, дождя, плюща, уверенно отстраняющего калитку. Пряжи, из которой постоянно вяжется радость, а получается как повезёт. Строки, которые могут быть, а могут и не появиться совсем.

Иногда это бывает Ника. И тогда я гордо наношу боевой раскрас и начинаю новое шествие, оставляя за плечами всё не-свершённное и веруя в наше общее светлое будущее.

Ношу любимые браслеты и кольца. И уверенно смотрюсь в зеркала: «И это тоже я!..»

Появление ниши чаще всего означает новоселье: освоение нового пространства всё того же дома, появление новых рисунков и фотографий. Строишь планы относительно отпусков и всей жизни.

А вот вторая часть моего имени вполне самодостаточна.

Она просто подходит и говорит: «На!» Нужное и ненужное, понятное или не очень, даже досадливое...

Чтобы не обидеть её, я принимаю всё: разберёмся потом, когда я снова стану просто Ниной – той страничкой, на которой ещё ничего не выросло, только белый снег вокруг.

Белый... белый... белый...

Зима, как вы правильно полагаете.

Оттенки одиночества

Совершенно забыв про всякую ответственность перед обществом за личное самосовершенствование и постоянное желание помогать всем желающим, я в открытую балдел на балконе под лучами апрельского солнца, принимая на свой счёт все его дары.

Неоткрытая книга тяжелела рядом, неслышно охая и вздыхая. Неожиданно ветер поменял направление, да так резко, что книга встрепенулась и прямо в раскрытом виде упала на пол. У меня так никогда не получалось. Если уж раньше книги шлёпались или соскальзывали откуда-либо, они больше были похожи на лягушек или черепах, хранящих для непосвящённых свои тайны.

А тут на тебе! Расшифровалась!

Причём раскрылась именно там, где никогда ничего подобного не было. Никаких крылышек и никаких бабочек.

Но всё бы ещё ничего, если бы в самой сердцевине не оказалась какая-то беженка, застрявшая на карантине. Да ещё с кулёчком на руках и в такой подозрительной позе, что происхождение этого кулёчка не оставляло сомнений: ребёночек!

Наверно, надо выяснить, при чём тут я, но привычная лень снова взяла своё, и я с ней согласился: совершенно не важно – кто, как, откуда. Ещё одна жизнь зародилась в нашем оголённом пространстве, и я очень, может быть, даже к ней причастен. А почему бы и нет?.. Разве это так уж нехорошо...

Нотка ми

В подушечке среднего пальца проживает нотка ми.

Она часто прижимается к стеклу окна, за которым идёт дождь, и слушает, как пульсируют ягодки рябины, на которые попадают капли. Их токи, наполненные живым и красным, обращены к ней, и, несмотря на дождь, нотка ми тоже густеет и переходит в звучание: до-ми-соль-ми-до одним пальцем по стеклу, за которым дождь. Гамма завершается вместе с неожиданным поворотом ключа в двери: кто-то пришёл...

Этот кто-то наполняет смыслом любое существование.

Даже такое, как у неё, и тогда её имя претерпевает существенное изменение: мы, мы — называет она себя, пытаюсь оправдать тепло и радость, связанные с твоим появлением.

Как бы далеко я ни заходил в море

Иногда большие киты целуют твою лодку,
Но так, что ты ничего не замечаешь.

Лора Зомби

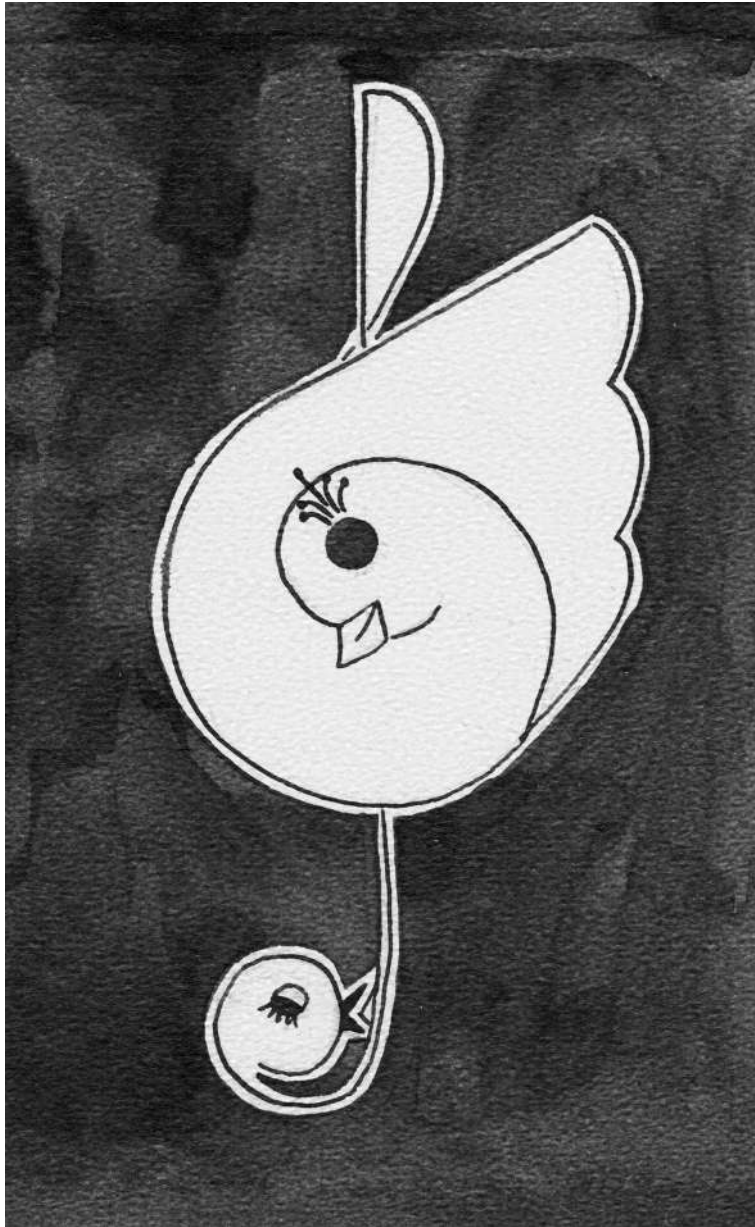
Как бы далеко я ни заходил в море, всегда существовала точка запрета: когда надо остановиться и просто ждать. Леска недвижимо зависала в безвоздушном пространстве. Лодка чуть вибрировала, переговариваясь с волнами и отпуская их. И вот наступало мгновение, когда свет сгущался и спиралью уходил вниз, темнея и наливаясь непонятной силой.

И тогда всё начинало жить. Поплавок не успевал подавать сигналы о рвущейся ко мне добыче. Лодка не успевала принимать её. А я знал, что это приплыл мой кит.

Я никогда не видел его, только чувствовал некое тепло и доброжелательность, начинающую окружать меня с его приходом. Говорят, что иногда большие киты целуют твою лодку, но так, что ты ничего не замечаешь.

Я замечал. И мысленно отвечал ему. Благодарил за улов, за чувство бесконечности и покоя этого прекрасного дня. Говорил о том, как я рад был с ним познакомиться... Но вот время как бы останавливалось, и я понимал, что нам пора прощаться. Мой кит! Склонившись над водой, я пытался разглядеть моего друга. Мне казалось, что я вижу его и ему тоже грустно прощаться со мной.

Мой кит! Завтра мы обязательно увидимся с тобой, и я спою тебе песню, которая родилась сегодня.

Монолог тополиного листа

Эпилог

Я только лист – листок черновика, что, наделён неясными дарами, врачует жизнь и насыщает пламя... осенний лист... живой ещё пока... Вот просеваю обращённый свет, и тени дня возвышенной и легче. Вот ветерок прихватывает плечи, ненужная сбивается строка, – то птиц присел и склонул червяка... Вот в тень уходит наступивший вечер.

Но мне везёт: невдалеке фонарь. И как бы ни был сумрак обесцвечен, он как бы снова обещает встречи и говорит, что нет, ещё не вечер, – всего лишь тьма... заманчивый финал.

И давняя надежда столько лет отводит от истоков наносное.

Что мне б хотелось? Вряд ли уж покоя... всё это позже... будучи в земле.

Прожилки строк, пересечение нитей, – обрывки тайн сбегаются в ладонь... И просто так, без всяческих наитий всё резче предсказуемость событий, а время всё слышнее под уклон несётся с беспардонностью экспресса...

Так прошлый день, лишённый интереса, годится лишь для вставки в новый сон.

Обычный лист... Я, видимо, привык, что и земля, и небо без отказа даруют жизнь: раскрепощают разум, что просится обожествить язык... И вся вокруг цветущая листва (подспорье моего черновика) – горит осенним всполохом желаний.

Отпущен буду, как придёт зима. Скукожен холодом и набухая влагой, наискосок, как будто из бумаги, под ноги брошен... стоптанный весьма...

Лишь черновик житейского письма, исчёрканный надеждой и отвагой.

Содержание

<i>От издательства</i>	3
У меня под рукой нет времени. <i>Пролог</i>	4
ЕЩЁ НЕ ЗАПЯТНАНО НЕБО СУХОЮ ЛЕТЯЩЕЙ ЛИСТВОЙ	5
Ещё не запятнано небо	7
Как трогателен лист	8
Твой листопадный флирт	8
Есть в октябре безумие полёта	9
Дайте осени право	10
ЭТА ПАМЯТЬ ЧЕРЁМУХ, ЗАМЕШАННЫХ НА ОБЛАКАХ	11
На долгие лета	13
Вдруг да что-то и помнит	14
Когда я ещё ничего не боялась	16
Всею семьёй закупали баранки	17
Памяти Афанасьевны	18
Всё пытаюсь понять	19
Да кто его знает	20
Да и вправду ли мы городские	21
Обретаются воля и сила	21
Помидоры не зрели	22
В третьем колене	23
И вот не счесть земных исповедален	24
Без протеста, отчаянья, страха	24
Романс о доме	25
Считается, что знаю, как нам жить	26
Я не нужна ещё, мама, тебе?	27
Век наш трудный, тяжёлый	28
Слишком тянет земное	29
Да, есть альбом	30

Выпадают сны	31
По своей тропе	32
Ещё не лес	34
Невозвратность	35
А лес был рядом, под рукой	36
Уходит гулять, забывает свой адрес, имя	37
И вновь дорога тянется на север	38
Не россиянин ты – русак!	39
И ненасытен разговор	40
Дельта Северной Двины	41
1. Берёзы балетны, а сосны тонки	41
2. Когда умаешься и день...	41
3. Чем тоньше свет меж стынущих берёз	42
4. Правят миром, как видно, реки	42
5. Мы там, где нас нет	43
Верка-дура	44
И вот затих весь мир	45
Семья, в которой не было медалей	46
Семя в рыхлую землю	47
Всё по избам бродила	48
Млечный Путь	50
1. На моём небосклоне звезда	50
2. Есть Млечный Путь	50
3. Звёзды – это история наших погон	51
Я буду писать тебе долго	52
Да не надо мне говорить	52
Программа «Время»	53
Да и инет	53
А сегодня вот так	54
Приведи позабыть, отрешиться	55
Сегодня у крёсточки был день рождения	56
Фёдор	58
НИКЧЕМУШКА	59
Пока я встану, приберусь	61
С ногами на скамейку и сажу	62
Уже большой, но маленький ещё	64
Фуражка	66

Ангелы	67
Чуть появится время	68
Кладбища не бойся, милый	69
Птицы мёртвыми не бывают	70
У тебя бабушка вряд ли птица	71
Никчемушка	72
Во сне в твоих объятьях дремлют сказки	73
Шесть сорок пять	74
В этом городе нет построек — одни сады	76
БЫЛ СОН НАСЫЩЕН ПЕРЕЕЗДОМ В ЛЕТО	77
Если маску надеть, будет вечер не так уж и плох	79
Что же было? Было солнце!	80
И бездну принимать в одно дыханье	81
В зеркале какая-то чужая	82
Безвременье. Лишь солнце в вышине	83
Был сон насыщен переездом в лето	84
Море — начал начал и конец концов	85
К морю иду, чтоб услышать свои стихи	86
Что ищу я у вас	87
Не думать... не искать знакомых черт	88
Почему в мире птиц	89
На свет нельзя — он слишком много знает	90
Моей постели нравится быть неубранной	91
Итак, что хорошего в нашем с тобой королевстве	92
Если и будет где-то апрель с зацелованными глазами	93
Ты ничего этого не знал обо мне	94
Как живет весна, пережившая зиму	95
Мне добега не выскоблить полы	96
Обрекали, шутя, на слово	97
Ни за что на свете	98
Бабье лето	99
Вот наступит весна	100
Распускается небацветок	101
Маленткий ангел — детство моих тревог	102
Небу присуще вверх поднимать птенца	103
До метро без сапог не дойти	104
Все деревья к весне накупили для почек помады	105

Первый дождь за окном	106
Вдруг небо поднялось и отпустило крыши	107
Руки в цыпках, ноги босы	108
Точек соприкосновения — ни одной	109
Легко-легко, — ведь так бывает летом	110
Третья молодость — хочется цвета	111
Как денди, прославляющий весну	112
Латышские силуэты	113
1. Звуки	113
2. Камни	113
3. Море	114
Ах, сёстры-пёстры	116
Господь не потакает нашей лени	118
Триумфальная арка Эжена Гальена-Лалу	119
1. Привет. Я знаю, как тебя зовут	119
2. Она всегда была твоей	119
3. Только летом она отпускала тебя	120
4. И тогда ты пускался во все тяжкие	121
Мне идут голубые тона	122
СОПРИЧАСТНОСТЬ	123
Дай небу заглянуть в твоё зеркало	125
Когда двери раскроются	126
На картине подсолнухи	127
Ну, кто куда, а я за синей птицей	128
Ты гораздо прекрасней	130
Отпускалаа тебя, дарила	131
За продрогшими в зиму спинами	132
Она уже пустила корни в землю	133
Чаше всего звёзды	134
Ветер Лорки	136
1. Ветер листву полощет	136
2. Посередине мира	137
«Весы» из серии «Знаки зодиака» Микалоюса Чюрлёниса	138
Фрагмент первый	138
Фрагмент второй	139
ДВОЙНОЙ КАТРЕН	141

Голос пламени так несмолкаем	143
Умерь свой пыл, осенняя листва	143
Знак поэзии — чёрное поле	144
Птичий голос тише, лес — прозрачней	144
Возможно, это крест — вынашивать стихи	145
Уменье рифмовать — не есть стихи	145
Ночь скромна: ничего лишнего	146
Путь мой вымошен облаками	146
Попробуй утоли желанье жить	147
Какие на стекле цветут узоры!	147
Да, снег колоч и непроглядна тьма	148
Есть вольность некая в полёте зимних птиц	148
Но детская душа, как колокольня	149
Да где он, Господи, светлое время твоё	149
К ночи притихли сквозные двооры	150
Когда уйдёт земля, оставив небо	150
Куда уж мне спешить за миром торопливым	151
Я связку ключей положила на стол	152

ЛОВИ УХОДЯЩЕЕ ВРЕМЯ	153
А уходя, так трудно не сберечь	155
С годами свободней и легче душа	156
Привадишь бабочек, и вот уж тут как тут	157
В этом городе на ночь не запирают ворот	158
Снится в который раз мной не обжитый дом	159
Загорчило вино	160
Вы настигли меня на таможене разлук	161
На лоджии такая пустота	162
Однажды остановит нас патруль	163
Я иду по дороге тёмной	164
Не знающий покоя ураган	165
Столбы как будто не деревья	166
Вниз уходит стрела парашюта	168
Осенних свиданий раскованней жаждет душа	169
В этом городе люди не падают с крыш, а взлетают	170
Нет у меня чаек, одно вороньё	172
Но разгорается восход	174
Есть два ангела	176

Господи Боже, опять нам с тобой недосуг	178
Москва клеймит. Горит её тавро	180
А мост качнулся и завис	181
И вот сквозит разлуки полотно	182
Тихо. Так тихо, что не слышно	183
Нет, мне не кажутся островом небеса	184
Снег – голубой. Ирозовый, конечно	185
Виват, декабрь, поборник чистоты	186
Кто там вязнет в сугробах	187
Эта зимняя дорога непроезжа	188
Что такое зима	189
Облетает зима, облетает	190
Есть простой нательный крест	191
ВРЕМЯ НЮ	193
«Птицы унесли всё лишнее...»	195
«Осень...»	195
«Дорога была настолько растоптана и заезжена...»	196
«Каждый будильник настаивает на своём времени...»	196
«Совершается обряд...»	197
«Почему ты не родила меня птицей, мама... »	197
«Время, которое я упустила, стало бездомным... »	198
ЗА ЧАС ДО ОБЪЯВЛЕНИЯ ЗИМЫ	199
Зелень утратила свою актуальность	201
Я строю дом	202
За час до объявления зимы	204
Три заботы у меня: дом	205
Осенью, как всегда затяжной	206
Когда заболеваешь немотой	207
Я – старый ключник	208
Скинут дерева козырные карты	209
Слово как будто упало	210
Он не понаслышке знает осень	211
Для меня что ни осень	212
Ну, где вы там, товарищи мои	213
В стиле пэчворк	214
Как ты думаешь, осень, зачем ты любимым дана	218

ОТРЫВНОЙ КАЛЕНДАРЬ	219
Отрывной календарь	221
Декабрь	222
Гости	224
Лизанька	226
Лето	227
Столешников	228
Дядя Боря	229
Сало	230
Цветной бульвар	231
КРАТКИЕ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ	233
Восьмой день недели	235
Буквы	236
Океанариум	237
Тросточка	238
Двери	239
Бог играл в человек	240
Черепашка	241
Фантики	242
Маленький стебелёк	243
Бумажный кораблик	244
Сумерки	245
Крылья	246
Мартовские тюльпаны	248
У меня замечательное имя	249
Оттенки одиночества	250
Нотка ми	251
Как бы далеко я ни заходил в море	252
Монолог тополиного листа. <i>Эпиграмма</i>	254

Литературно-художественное издание
Серия: Лауреаты национальной литературной премии «Поэт года»

Баландина Нина
ПОПЛАВКИ СТИХОВ

Ответственный редактор Т. Евтеева

Корректурa: А. Волотковская
Компьютерная верстка: А. Шатунов
Дизайн обложки: А. Горбачёв

Подписано в печать 10.08.2021
Формат 60х90/16
Бумага офсетная
Тираж 100 экз.

ООО «Издательство РСП»
127006, Москва, ул. Малая Дмитровка, д. 29, стр. 1
Тел.: +7 (495) 215-14-25
www.izdat.ru